

Матильда Авананж

ЗИАЛКА
ДЛЯ РЕКТОРА

АКАДЕМИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МАГИИ

Матильда Аваланж
Академия Хозяйственной
Магии. Фиалка для ректора
Серия «Академия
Хозяйственной Магии», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983413
SelfPub; 2023

Аннотация

Смотрю в ее глаза-фиалки и понимаю – попал. Так и не смог вырвать ее из своего сердца, сколько ни пытался. Сон, грёза, мечта, бред. Она не может быть Фрэнтиной Аштон – той, кого все эти годы я запретно и мучительно люблю. – Вы ректор? – девушка церемонно протянула руку. – Феврония Астахова. Я провалилась к вам в академию из другого мира. Случайно не подскажете, как мне теперь вернуться домой? С трудом сдерживаюсь, чтобы не стиснуть ее в объятиях. – Может, для начала хотя бы вылезешь из моей ванны?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	42
ГЛАВА 6	47
ГЛАВА 7	62
ГЛАВА 8	78
ГЛАВА 9	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Матильда Аваланж Академия Хозяйственной Магии. Фиалка для ректора

ГЛАВА 1

Стояла глубокая ночь и Высший Президентский Лицей спал безмятежным сном.

Ну, почти весь... Кроме, разумеется, меня.

В комбинезоне кигуруми расцветки «радужный единорог» я сидела на крыше самого элитного учебного заведения России и думала о вечном.

А именно об этом самодовольном козле, чтоб его черти слопали!

Нет, вы только представьте себе... Он смеет мной пренебрегать! Да мне наплевать, что этот Красавин – уважаемый профессор лицея, доктор филологических наук и еще, еще...

Кто там он еще? Все ученые степени фиг упомнишь!

В отличие от его атлетической фигуры, благородного лица, исчерна-серых глаз с поволокой и медовых волос, которые виделись в райских грезах всем без исключения студенткам нашего лицея.

Имя у него, кстати, было самое что ни на есть аристократичное – Аристарх.

Ариста-а-арх... Как музыка. Когда вначале вроде тянется мягонько и напевно, а потом как а-а-ах тебе по ушам и всему организму!

Если честно, я всегда испытывала слабость к блондинам... И они отвечали мне тем же. Пока к нам в лицей не устроился... этот... этот... Профессор филологии и лингвистики, словарем Ожегова б его по кумполу!

Для июня установилась нетипично прохладная погода, однако я не мерзла. Но не один махровый кигуруми грел меня в эту грустную ночь.

Справа на парапете стояла ополовиненная бутылка ликера, а слева находилась уродливая горгулья, которую я обнимала за шею.

Лицей был построен в классически-роскошном стиле, практически Нотр-Дам де Пари номер два, поэтому горгулья на его крыше была задумкой архитектора и смотрелась очень даже к месту. Она сидела, грустно подперев кулачком клыкастую морду, чем вызывала во мне необыкновенное расположение.

Сейчас я была такой же грустной. И немножечко злой. Со всем немножечко. Вот прям чуть-чуть.

– Я буду мстить и мстя моя будет страшна, – отхлебнув еще ликерчика из горла, проникновенно сказала я горгулье прямо в ухо. – Он прокатил меня, понимаешь? Да мне ни-

кто в жизни никогда не отказывал! Но даже не это самое обидное! А знаешь, что? Вместо меня он выбрал Жанну Бузанову! Эту гадюку! Змею подколодную! Эту... Бизоншу несчастную! Как он мог? Просто в голове не укладывается!

С Бузановой мы враждовали с самого первого дня обучения. Она считала, что, раз ее богатенький папочка, всем известный олигарх Борис Бузанов, сказочно богат, все должны ходить перед ней на цыпочках и обращаться исключительно по имени-отчеству и с поклоном. Я была в корне не согласна.

На этой почве, собственно, и не сошлись.

Поначалу Бузанова рассчитывала покорить меня и заполучить в свою свиту верных подпевал. Но после того, как обнаружила у себя в сумочке ящерицу и огласила своим диким визгом весь лицей и его окрестности, она поняла, как были наивны ее мечты.

Кстати, умная ящерка не пострадал, так как успел ретироваться.

Попытка Бизонши отыгаться – а именно подложить мне в постель живую гадюку, была пресечена мной в зародыше, после чего наши отношения перешли в разряд холодной войны.

Я придумала и внедрила в лицее намертво прилипшее к ней прозвище Бизонша. Повторить эту тонкую операцию с моей фамилией ей не удалось. Поэтому Бузанова пыталась цепляться ко всему – к моей внешности, к моей маме и, естественно, к моему имени. Нет, с именем, конечно, мне роди-

тели удружили, не спору... Но я уже привыкла.

А вот насчет мамы все-таки было обидно. Она у меня бизнесвумен – основала маркетплейс, который вскоре стал самым крупным в нашей стране. А теперь и на другие страны выйти хочет. Человек моя родительница до крайности занятой – вживую, а не по скайпу, мы видимся от силы четыре раза в год. Грустно, а что поделаешь...

После того, как я окончила школу, она меня, собственно, в этот элитный Президентский Лицей и определила. Тут образование даже круче, чем за границей, да и преподаватели многие иностранцы, все сплошь профессеры и доктора. Гарвард отдыхает, короче. После самой обычной московской школы мне было трудно со всей этой «элитностью», но потом ничего, освоилась.

На меня даже не жалуются особо, потому что спонсорская помощь лицею от моей мамы поболее, чем от отца Бузановой будет...

Иногда нас даже посещает сам президент, чтоб проконтролировать, как обучаются будущие светлые умы России. В последний раз, вон, заявился без предупреждения на лекцию по истории. А я как раз в то утро приходить не планировала – мы с веселой компанией всю ночь прогудели в клубе. Разбудил меня звонок нашей кураторши, которая заикающимся голосом велела немедленно бежать на пару.

Я, как послушный человек, конечно, пришла. И даже опоздала только на десять минут. Не знаю, чего там на ме-

ня так все вытаращились, включая самого президента. Я ж вежливенько извинилась и к своему месту потопала.

Когда правитель страны и его свита отбыли, профессор по истории потом по всей лекционной бегал и орал, что на этот раз меня нужно исключить, так как я перешла все границы допустимого.

Ничего, его директриса к себе увела и успокоила так, что он весь день ходил добрый-предобрый. Только пошатывался немного, и коньяком от него несло за версту.

Но Аристарх Красавин – это тебе не историк. Он почему-то совершенно не захотел очаровываться мной, и очаровался вражьей Бизоншей. И чего в ней нашел?

– Я объявляю ему вендетту, – мрачно сообщила я горгулье, резко поднялась и схватила за острые уши драконовидной змеи, чтоб не упасть.

Раздался треск, и горгулья лишилась одного каменного уха.

Ой, мама!

– Я верну! Все обратно приклею! Завтра же приду сюда с клеем «Момент», чик – и готово!

Однако, похоже, такого варварства ни горгулья, ни провидение мне простить не могли. Потеряв на парاپете равновесие, я ойкнула, покачнулась, а затем рухнула вниз, крепко прижимая бутылочку с ликером к себе.

Благо, пропасть начиналась не сразу, а предшествовала ей покатая черепичная крыша одной из надстроек лица.

Я успешно приземлилась на нее и поехала, аки с горки, отсчитывая своей попой каждую черепичинку крыши. Хорошо, хоть толстая махровая ткань комбинезона смягчила удар.

Правда, тот факт, что крыша скоро кончится, и я благополучно полечу с нее вниз, печалил. И сильно. Там ведь шесть этажей, как никак. Я, конечно, однажды прыгала с парашютом – опыт полета с большой высоты у меня имелся. Плюс внизу находился огромный бассейн. Но падать с крыши мне все равно не хотелось. От слова «совсем».

Путем неприличных телодвижений своей охочей до приключений пятой точки я смогла значительно скорректировать траекторию своего движения...

С крыши скатилась на что-то большое, упругое и гладкое, напоминающее... батут! Даже бутылку с ликерчиком удалось сберечь в целости и сохранности.

Поначалу накинувшийся мне на голову капюшон заслонил обзор, но вскоре я поняла.

Это был большой надувной диван, который стоял на балконе чьего-то номера! Именно на этот диван я и приземлилась. Во дела – на этом этаже проживает руководство лица, включая директрису и преподавателей.

Упс...

Если я попала на балкон к историку, будет как-то неудобно.

Хотя, судя по тому, что свет не горел, хозяин комнат либо

отсутствовал, либо спал.

Лично я больше склонялась к первому. Звук, с которым шлепнулась с крыши на этот дутовый диван, и мертвого бы поднял.

Накинув для маскировки единорожий капюшон, я сползла с дивана и заглянула в комнату, благо балконная дверь была открыта для проветривания.

И-и-и... Бинго!

Первым, что я увидела, был огромный черно-белый фотопортрет Аристарха Красавина. Этот козел подлый, подвид филологический, позировал в тонком черном свитере и выглядел очень внушительно, нужно это признать...

Эт-т-то я удачно зашла! А то ведь нужно было б мудрить, искать отмычки для замков от его комнат. Ай да я, ай да молодец!

От радости я сделала еще один маленький глоточек и вторглась на вражескую территорию, невидимая и неслышимая, как лучший шпионский ниндзя из клана Ямабуси.

Ладно-ладно, не совсем, как ниндзя – в момент проникновения я запнулась о придверный коврик, чуть не свалила цветок в горшке и случайно облила ликером любопытного кота, который сунулся к двери посмотреть, кто это пришел в гости с балкона.

Данный слабоалкогольный напиток питомцу Красавина явно не понравился – он шокировано взвыл и принялся яростно вылизывать липкую шерсть. Ну и зря. Между про-

чим, хороший ликер, вишневенький.

Повезло мне, что Красавина нет в своей опочивальне. Хотя, с другой стороны, он сейчас, наверное, чудесно проводит время с Бузановой!

У-у-у, козлице подлый, филологический, ну ты ж у меня попляшешь! Волшебный ликер придал бесстрашия и сил.

Президентский лицей на то и президентский, что внутри очень богатая обстановка – начиная от аудиторий и заканчивая комнатами студентов и преподавателей.

Так вот, комната козлиного профессора с моей чуткой руки в кратчайшие сроки растеряла свой лоск. Как говорится, творческий беспорядок еще никому не повредил.

Я оборвала шелковые шторы. Я раскидала в этой комнате все, что можно было раскидать: диванные подушки, покрывала и коврики. Я включила на его плазме режим «Разбитый телевизор» без возможности выключения. Я спрятала его ноутбук в морозилку. Я вылила весь его дорогуший парфюм, коего у него были просто горы, в раковину – туда же побросала и опустевшие пузырьки. Я наполнила его ванну водой и бросила туда постельное белье – подушки вперемешку с одеялами. Я выволокла его матрас на балкон и бросила в бассейн. Я отправила его свежестырированные белые рубашки в лежанку кота – а что, с кошачьей шерстью ему теплее будет, ночи-то нынче холодные. Ну, и в довершение всего я залила его роскошный портрет пеной для бритья, превратив красавчика в Деда Мороза.

С удовлетворением оглядев дело рук своих, стряхнула с ладошек пыль и с чувством глубокого самоудовлетворения отправилась баиньки.

ГЛАВА 2

Однако, не успела сделать и пары шагов по коридору, как услышала за спиной окрик:

– Феврония Астахова, стой-а-ать!

Ну да, Феврония. Зовут меня так. А я-то что могу поделаться?

Интересно, вот как он со спины узнал, если я, крадучись, удалялась в низко надвинутом на лицо капюшоне кигуруми с единорожьим рогом?

Эх, что-то не получается из меня ниндзя клана Ямабуси...

– Ар-р-ристарх Евгенич? – совершенно искренне обрадовалась я и икнула. – Какая неожиданная встреча!

Красавин стоял, неумолимый, как скала, указывая перстом на приоткрытую дверь своей комнаты. Ой, кажется, я ее закрыть за собой забыла.

– О, ужас... – живо отреагировала я. – Похоже, к вам проникли воры. Я за полицией!

И, как резвая единорожка, поскакала вперед. Увы, количество выпитого ликера помешало отступлению. Аристарх живо догнал меня, схватил под белы ручки и потащил к себе в комнату.

Честно, может, в другой обстановке я была б и не против. Но не сейчас, не сейчас...

Дальнейшее превзошло все ожидания. Такого отборного

русского мата я не слышала даже от маминой мамы, моей бабушки. Которая в своей бурной молодости строила БАМ – светлая женщина, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет.

Мне от нее в наследство досталась маленькая родинка интересной формы. Мама рассказывала, что у бабули была почти такая же и в том же самом месте – на правом плече. У самой мамули ничего подобного не было, из-за чего бабуля, человек со специфическим юмором, говаривала, что мама – ее приемная дочь. И таинственно хихикала. Мама, конечно, обижалась таким странным шуточкам, но долго обижаться на мою бабушку смысла не имело. Она тебя покроет таким трехэтажным – все отдашь, лишь бы замолчала!

Вот ведь, называется, Красавин – филолог, образованный человек. Как он только не прибил меня на месте, удивительно прямо.

– Это переходит все границы! – орал Аристарх, бегая из спальни в ванную и обратно и посыпая пеплом свои красивые блондинистые волосы. – Твое место не здесь, Астахова, а в колонии. Я давно это говорил! Но преподавательский состав закрывает глаза на твои выкрутасы! Как ты вообще проникла в мой номер? Как ты посмела? Еще и пьяная в стельку! Ты вообще в курсе, что в лицее запрещены алкогольные напитки? Теперь я смогу добиться твоего исключения!

– В уставе сказано про алкогольные, а ликер слабо, – заикнулась я.

– Невыносима! – взвыл Аристарх, схватил меня за плечи и принялся трясти, будто надеялся, что у меня из кармана выпадет тысяча рублей.

Вместо этого оттуда выпала косметологическая гелевая маска с блестящими частичками. Девчонки говорили – огонь. Я как раз ее сегодня на ночь попробовать хотела.

Я под пристальным взглядом Красавина отряхнула масочку о свой комбез и с независимым видом положила обратно в карман.

Он горестно покачал головой:

– Я знаю, почему ты это сделала. Ревнуешь меня к Жанне, ведь так?

– Что вы, как можно? – фальшиво удивилась я. – Но высший балл за реферат по мифологии вы сегодня поставили ей зря.

– Я заслуженно ей его поставил! Она работала и она старалась! А твоя работа вообще не заслуживала никакой конкуренции! – пуще прежнего завопил профессор. – Ты же вообще свой реферат из интернета скачала!

– Неправда! – я ахнула от такой несправедливости. – Вообще-то я все списала из одной книжки в библиотеке. Вернее, аж двух книжек.

– Феврония Астахова сходила в библиотеку, какой прогресс! – картинно захохотал Аристарх. – Да что тебе за дело до какого-то реферата? Ты же, в отличие от других учеников, совершенно наплевательски относишься к учебе! Од-

ной двойкой больше, одной меньше...

– Раз уж я дошла до библиотеки, это для меня было делом принципа!

– После того, что ты натворила здесь, и не подумаю! И исправлять не стану!

– Ладно, постараюсь это принять, – я лицемерно вздохнула и принялась отступать. – Ну что ж, профессор, большое спасибо за познавательную лекцию по обценной лексике, но мне, пожалуй, пора. А то как-то неприлично нам с вами находиться в вашей комнате в такое-то позднее время. Добрых вам сновидений.

Я мило улыбнулась и с чувством огромного облегчения вышла за двери. Между прочим, я ему не сказала, что Жанне Бузановой вообще сделали реферат на заказ – она за него деньги заплатила. Но я не доносица, в отличие от нее.

За всеми этими мыслями я как-то не сразу заметила, что оказалась в крошечной тьме. И тут снаружи раздался стук.

– Феврония, это шкаф! – с чувством сказал Красавин. – Выходи!

– Не выйду!

Позор-то какой... Действительно перепутала входную дверь со шкафом. К сожалению, у меня такое часто.

– Феврония, а ты правда хочешь пятерку по мифологии? – Красавин резко задержал дверь. – Вообще-то я могу тебе это устроить.

– Пожалуй, я переживу как-нибудь и без нее, – сообщила

я, изо всех сил эту дверь удерживая. – Просто отпустите меня, и никто не пострадает.

Уж больно голос у него сделался странный. Так в кино маньяки с жертвами разговаривают.

К сожалению, силы были неравны. И из шкафа меня Аристарх все-таки вытащил. Взгляд у него и вправду был малость того. Обезумевший.

– Знаешь что, Астахова? – вкрадчиво заявил профессор филологии. – Я бы все тебе мог простить, даже вдрызг пьяного кота... Но не духи Кельвин Кляйн, которые ты вылила в раковину. Они целое состояние стоят, ты это понимаешь? Сам я возвращаться не собираюсь, меня вполне все устраивает здесь. А тебе... Тебе действительно не мешает вживую ознакомиться с мифологией, а еще научиться убирать... И хорошо себя вести. Я уже понял, здесь я не смогу тебя наказать, но там... Совсем другие условия. Парное молочко опять же. Отправляйся-ка ты в Академию Хозяйственной Магии, дорогуша. Уж там-то тебя пообтесают!

– Академию Хозяйственной... Магии? Вы сказали, магии? Я не ослышалась? Может, магния? Или Марии? Маний? Или...

– Я сказал именно магии, – оскал Красавина напомнил улыбку крокодила. – Как иномирная ученица. По обмену. Вернее, менять-то тебя не на кого, но это ничего страшного. Вот тебе, пожалуйста, контрактик, отдашь его тамошнему руководству. И даже не надейся сбежать – ты должна бу-

дешь отучиться там до победного конца и примерно сдать экзамены. Твое обучение может закончиться раньше срока, только если тамошний ректор самолично тебя выгонит. Но я уверен, он этого не сделает. Они там, в АХМ любят перевоспитывать таких, как ты. Избалованных, капризных, привыкших к роскоши «оторви и выбрось».

– Признайтесь честно, профессор, – я взяла бумажку, которую преподаватель мне протягивал и посмотрела на него с невыразимой тоской. – Вы допили мой ликер?

Аристарх выглядел чрезвычайно оживленным, и на мой искренний вопрос не обратил никакого внимания.

– Да, и по поводу магии. Чтобы она у тебя открылась, тебе нужно будет призвать фамильяра. Тот, который откликнется, и станет твоим. Не прогоняй его, кем бы он ни оказался.

Я внимательно слушала его, кивала, и медленно продвигалась к настоящей входной двери.

Спятил человек на почве утраты Кельвина Кляйна. Печально, конечно, но так ему и надо.

– Вроде все рассказал, – Красавин торжественно улыбнулся. – Надеюсь, ты запомнила. А если не запомнила – твои проблемы. Ах да, как вернешься, я буду ждать от тебя новый реферат по мифологии, Феврония. Думаю, он выйдет просто блестящим. Насчет мамы не волнуйся – я что-нибудь придумаю, она тебя и не хватится. Она же и так нечасто тебя встречами радует. Ну, с богами!

Пока он все это говорил, я наконец-то достигла настоящей

двери, распахнула ее и выскочила прочь.

Но Красавин прямо на пороге поймал меня за капюшон и вернул обратно.

Далее произошло жуткое. Не обращая внимания на мое отчаянное сопротивление, преподаватель сгреб меня за шкуру, в два шага пересек комнату, выволок на балкон и... швырнул за перила.

ГЛАВА 3

Убийец! Душегуб проклятуший! Да за разве так можно со студентками? Ну испортила я ему парфюм, с кем не бывает? Не обязательно же сразу человека с балкона выкидывать.

Или Красавин так мстил не только за Кельвина, но и за матрас, решив отправить меня вслед за ним?

С парашютом я однажды прыгала – было дело. Друзья так оригинальненько решили поздравить меня с совершеннолетьем и... угробить нафиг! В общем, мне задали сертификат на один прыжок – подшутить хотели. Они потом признались, что были на все сто процентов были уверены, что я прыгать не стану.

Но я шутки не оценила, и пошла прыгать. Что могу сказать? Мне понравилось!

Но понравилось прыгать с большой высоты с парашютом. А не без него, как сейчас!

Меня охватила жуткая паника, но, вместе с ней я отметила, что лечу как-то слишком долго. Обычно такая вещь происходит за мгновения. Но мое падение как будто замедлилось. Я не падала, а скорее, парила, машинально считая пролетающие мимо этажи лица.

В одном из окон прыщавый первокурсник корпел над книжками. Что ж, дело полезное – ведь учение свет. Тут бедняга поднял голову и углядел меня. Я радостно ему помахала

ла, и парень протер глаза и с совершенно ошалелым видом помахал в ответ.

После чего решительно захлопнул все свои книжечки и выключил торшер. Наверное, решил, что переучился, раз за окном мерещатся летающие девушки в кигуруми единорога.

Подо мной замаячил бассейн с плавающим в нем матрасом Красавина. Жалко, что он был не надувным. Вода очень красиво подсвечивалась сине-зеленым, мерцая в ночи, как огромный жидкий топаз.

И, надо сказать, благодаря некой замедленности моего полета у меня даже получилось перегруппироваться перед самым погружением. В воду я вошла четко и профессионально – ласточкой. Почти без брызг.

Вода была холодной. Такой холодной, словно я прыгнула с Титаника в Северно-Атлантический океан. Но главное – бассейн оказался таким же глубоким. По моим расчетам я должна была уже коснуться дна, благополучно оттолкнуться от него и выплыть.

Дна не было. А еще на глубине вода почему-то показала совсем не мокрой. Зато она сверкала и искрилась вокруг меня, ослепляя этим сине-зеленым сапфировым сиянием. Вскоре к нему добавились и другие цвета: рубиновый, изумрудный, перламутровый, аметистовый, жемчужный. Они сложились в причудливые узоры, которые быстро стали изменяться, будто бы под действием неведомой силы. Будто я упала не в бассейн, а в гигантский калейдоскоп света, смене

игр которого не будет конца.

В детстве я любила маленькую трубочку со стеклышками внутри, могла часами крутить его, наблюдая за выпадающими орнаментами. Калейдоскоп всегда завораживал меня – в нем чудилась какая-то магия.

Заворожил и на этот раз...

Тем более резким и отрезвляющим было выпадение из этого текучего круга разноцветных сияний.

Да, я выпала из этой реальности и... упала. В третий, и, надеюсь, последний раз за сегодня.

На этот раз не на надувной диван и не в ледяную воду бассейна.

Вода, в которую я погрузилась, была очень горячей... А еще тут было что-то твердое, но приятно так твердое. И что-то гулкое, металлическое, обо что я пребольно приложила локтем.

Это была старинная и огромная латунная ванна, наполненная водой – об ее массивный кран я и ударилась. Но самое жуткое было не в этом! Самое жуткое было в том, что в ней находился мужчина. Положив руки на борта, он расслабленно откинулся на спинку ванной.

На него-то я и упала. Вот прямо на него... Совсем на него...

Мой махровый комбинезон в считанные секунды напитался влагой, а я лежала на совершенно незнакомом обнаженном мужике, уткнувшись лицом в его голую грудь. Со-

ответственно, он мог в свое удовольствие полюбоваться на морду единорога, которую изображал капюшон, полностью скрывающий мои волосы и лицо.

Нет, конечно, можно было вот так лежать и не шевелиться до бесконечности, неумело изображая единорожий труп, но выбираться из этой ванны как-то было надо. И из этой ж... крайне непонятной и неприятной ситуации тоже.

Я выдохнула, приподнялась и решительно посмотрела мужчине прямо в глаза. Но нелепые слова извинений почему-то застыли у меня в горле.

У него были резкие черты лица, волевой подбородок, трехдневная щетина и темно-каштановые влажные волосы, спадающие на высокий лоб. Дорожка из кудрявых волос сбегала по широкой мускулистой груди, по накачанному поджарому животу вниз...

Остальное скрывала вода.

Мужественный, великолепный – в нем чувствовалась порода. В нем была брутальность и стать.

Я увидела свое отражение в его пронзительных карих глазах. Я увидела, как поменялось их выражение. Из расслабленного, скучающего, ленивого, его взгляд стал пронизывающим и острым. Он весь подобрался и резким движением сдернул мой единорожий капюшон.

Резинка, которой были стянуты мои темные волосы, давно где-то потерялась и они рассыпались по плечам блестящим каскадом.

– Фрэнни... – выдохнул незнакомец и отвел локон, упавший мне на глаз.

Он словно увидел призрак.

– Почти... – пролепетала я.

– Я сошел с ума, – его голос был хриплым.

– Скорее, это я.

Он внимательно глядывался в мое лицо, будто хотел обратить в себя каждую его черту, а я тонула в его глазах.

– Ты не Фрэнтина, – заключил мужчина наконец.

– Феврония, – церемонно представилась и протянула руку для приветствия. – А вы случаем не Петр? Часом не апостол? У вас ключей от рая не имеется?

При слове «рай» мне кстати вспомнилось, что под мокрой пижамой на мне одни трусики, а больше ничего. Она облепила меня, как вторая кожа, явственно обозначив бедра и грудь.

В принципе, хотя бы что-то. На нем вон вообще ничего не было. Кроме воды. И меня сверху. Если принять во внимание вес намокшего махрового кигуруми вкупе с моей скромной персоной, думаю, ему было достаточно тяжело.

– Это чья-то глупая шутка. Наваждение, фантом, астральный дубль... – зачарованно произнес мужчина, не в силах оторвать от меня взгляда, а потом вдруг до боли стиснул мое плечо. – Ты приняла чужое обличье? Ты студентка академии? Но я не вижу на тебе обратного колдовства. Я не чувствую в тебе магии вообще.

Господи, да что он такое говорит? Неужели, все это правда?!

Соберись с мыслями, Феня! Сейчас тебе это ой, как надо!

– Я не наваждение. И не фантом. Никаких личин я не принимала. Меня зовут Феврония Астахова, я студентка, но не академии, а Президентского Лицея. Это все наш преподаватель по филологии виноват. Аристарх Красавин. Он что-то сделал со мной. Говорил про какую-то Академию Хозяйственной Магии. Что я должна там отучиться и сдать экзамены. Он выкинул меня с балкона, представляете?

Незнакомец очень внимательно выслушал мою сбивчивую тираду. А затем, ни слова не сказав, ссадил с себя и поднялся из воды. Обнаженный, мокрый и красивый, как бог, он сошел по ступенькам с возвышения, на котором стояла ванна.

Но не успела я отвести глаза, как ему на плечи, словно из воздуха, упал длинный черный халат с широким капюшоном, напоминающий одеяние сектантов.

– Вылезай, – велел незнакомец. – Нужно поговорить.

– Э-э-э... Хм... У вас случайно не найдется чего-то... на меня? А то я уже вся мокрая...

Договорив последнюю фразу, я осознала ее смысл и закрыла рот ладонью. Правда, уже поздно. Сказала, так сказала!

В полуметре над ванной возник почти такой же халат, только белый. Чудо!

Я же сидела в воде и нерешительно теребила застежку сво-

его мокрого комбинезона.

– Я не смотрю.

Он действительно стоял ко мне спиной. Уж глаз-то на затылке у него, наверное, нету.

Молния единорожьего кингуриями заклинила намертво. Я уж и так ее дергала и эдак!

– Не снимается, – страшным шепотом сообщила я.

Пришлось вылезать прямо так, в мокром, заливая полы вокруг себя. А потом произошло еще одно чудо! Что-то такое незнакомец сотворил правой рукой, вроде, как кистью небрежно махнул – и комбинезон за пару секунд высох прямо на мне.

– Как вы это сделали?

– Магия, – он пожал плечами.

– Я так не могу, – с некоторой завистью сказала я.

– Не можешь, – кивнул мужчина, по-барски рассаживаясь в приземистом кресле. – Потому что ты из другого, техногенного мира. Мира-без-магии.

– Я думала, мир только один... Мой.

– Ты ошибалась.

Опуская пикантные подробности, вроде того, какой разгром я сотворила у Аристарха, я рассказала ему обо всем, что произошло. По моему рассказу выходило, что преподаватель просто внезапно резко сошел с ума и выбросил меня с балкона.

Оказывается, он не собирался меня убивать, а просто вы-

кинул в портал. Просто выкинул в портал, чтобы я попала в другой мир...

Просто... Вот так просто!

– Аристарх когда-то был моим заместителем, – проговорил незнакомец, барабанив пальцами по дубовой каретке кресла. – Сразу после Пантелеймона. На должности он продержался недолго... Ему здесь не нравилось, и он мигрировал в ваш мир при помощи калейдоскопа, которым можно открывать порталы. Их осталось очень мало и они дороги. Ему он достался по наследству, как он рассказывал. Может, и украл где-то, я бы не удивился. Калейдоскопом он и отправил в мой мир тебя. Если он не давал тебе на подпись никаких бумаг, значит, контракт с академией не заключен и тебе не нужно соблюдать его условие. То есть необязательно здесь обучаться, чтобы вернуться...

– Вообще-то он давал мне какую-то бумажку, – с ужасом припомнила я.

После недолгих изысканий бумажка обнаружилась у меня в кармане комбинезона. Вернее, не бумажка, а сложенный вчетверо пергамент. Вот только он был пустым – ничего написано там не было. Наверное, буквы размыло после всех моих купаний.

Я протянула пергамент, а он принялся внимательно в него вглядываться, будто читал.

– Там же ничего не написано!

– Написано. Просто обычный человек без дара прочитать

не может, – не отрывая глаз от листа, проговорил мужчина. – Боюсь, у меня для тебя плохие новости. Аристарх действительно сформировал между тобой и Академией Хозяйственной Магии неразрывный контракт, по которому ты должна пройти все обучение. Только после этого ты сможешь вернуться обратно в свой мир.

– Я не заключала никаких контрактов! – запаниковала я. – Ничего не подписывала! Что за бред?

Мужчина взвесил пергамент на раскрытой ладони – листок чуть засиял и поднялся в воздух, словно под дуновением ветра. Он покрутил его, рассматривая и так и сяк, и, наконец, заключил:

– Ты взяла его в руки. Этого было достаточно. Так что, хочешь того, или нет, ты теперь моя... Моя студентка.

– А вы... – охваченная страшным подозрением, едва вымолвила я. – Я назвала вам свое имя, но вы так и не представились... Вначале назвали меня Фрэнтиной. Почему? Кто она такая, эта Фрэнтина?

– Забудь это имя. Оно уже ничего не значит, – отрезал мужчина, поднялся и властно произнес. – Я – ректор Академии Хозяйственной Магии Властимир Велес, принимаю тебя, Февронию Астахову, в свою академию.

При этих словах пергамент, что легонько парил над его ладонью, засиял, как маленькое солнце и на нем проступили строчки, словно написанные огнем.

– Значит, я здесь? Я не спятила? Не переборщила с лике-

ром? Вы мне не снитесь, не мерещитесь? Я ПО-НАСТОЯЩЕМУ в чужом мире, где существует магия? Я в Академии Хозяйственной Магии?

– Да, Феврония. Теперь ты будешь учиться здесь.

ГЛАВА 4

Ректор... В моем понятии ректор – седенький старичок в очочках, а не мужественный красавец с таким потрясающим торсом! И я умудрилась свалиться ему на голову в момент принятия водных процедур?

Да это даже для меня было чересчур!

Вместе с тем во мне затеплилась надежда прекратить все это.

– Послушайте! – сбивчиво начала я. – Красавин сказал, что мое обучение может закончиться раньше срока, если вы выставите меня из своей академии! Так разорвите этот контракт и выгоните меня прямо сейчас! Я готовая!

– Я не стану этого делать.

– Но почему?

– Ты пришла из чужого мира и не совсем представляешь, как действует магия. Этот контракт магический... И в какой-то степени – он живой. Если я вот так, искусственным образом аннулирую его, то это может иметь последствия. Возможно, тяжелые и даже неотвратимые. И то, что ты вообще не сможешь вернуться в свой мир, окажется самым легким и безболезненным из них. Магия действует по своим законам. Их нельзя нарушать.

– Так, может, последствий не будет? – с надеждой переспросила я.

Верить в то, что я здесь застряла надолго, не хотелось.

– Возможно. Но я не стану рисковать.

– Рискните! С моего согласия!

– Если я говорю «нет», то это значит «нет». Запомни это, пожалуйста, Феврония, – оборвал Влас. – Я бы на твоём месте озаботился тем, как открыть в себе магический дар. Без него ты не сможешь приступить к обучению. Самый простой способ – призвать фамильяра. Он свяжет тебя с нашим миром и высвободит силу. Они отличные проводники способностей, особенно для тех, кто открывает в себе дар заново.

А ведь Красавин тоже говорил про то, что мне надо будет завести себе фамильяра – тогда и магия появится. Вот только нужна она мне, эта магия?

Я домой хочу...

Я принялась рьяно уговаривать ректора исключить меня если не сегодня, то хотя бы завтра, но он был непоколебим. Вместо того, чтоб подпалить проклятуший контракт, разорвать его на мелкие клочки, или, на худой конец, выкинуть его в окно, Влас тронул расписной глиняный колокольчик на пеньковой веревочке, который возник в его пальцах прямо из ничего.

Колокольчик издал приятный звон, но после этого в комнате образовался небольшой смерч, сопровождающийся свистом и небольшим завыванием. Через пару мгновений внутри смерча возникла старушка в черном мешковатом платье, поверх которого был надет передник. На голове

у нее был аккуратно повязан светлый платочек в цветочки, а руки были испачканы в чем-то белым. Самая обычная пенсионерка...

Если б не огромные и очень острые клыки, что торчали у нее изо рта! Один смотрел вверх, а другой вниз – довольно кровожадное зрелище, доложу я вам.

– Только пирогов собралась напечь, а Его Ректорство меня вызывать изволит. Видать, не хочет Его Ректорство пирогов-то! Да со стерлядью, нежной и сладкой, что только в озере плавала... – ехидно начала старушка, стряхивая муку с сухоньких ручек, но тут заметила меня. – А это что еще за чуда-юда такая? Нет, бы нормальную девку в баню позвать, да и оттр...парить ее в удовольствие! Давно тебе о том твержу. А это что? Какой-то импий выкормыш! Лицо еще ничего так, волосы, но остальное... Один рог, а сзади еще хвост болтается... И цвет меха противный-то какой, фиолетово-желто-розово-салатовый, ажно в глазах рябит. Тьфу, глаза б мои не глядели! Ох, не знала я, не ведала, что у тебя вкусы такие извращенные, дорогой племянничек!

На отповедь старушонки Влас и бровью не повел:

– И тебе хорошего дня, тетушка Ядвига. Это Феврония Астахова, новая студентка академии. Прибыла к нам из техногенного мира дабы обучиться хозяйственной магии. На первых парах ей нужно помочь у нас освоиться, а так же пробудить колдовские силы, так как у нее их нет. Феврония, в академии Ядвига Карповна – мой заместитель по воспита-

тельной части. Если возникнут какие-то вопросы, можешь смело обращаться к ней.

– У меня возник вопрос, – живо перебила старушка. – Она, как и все лошади рогатые, цветками шиповника да утренней росой питается? Шиповник только в Запретном лесу нынче цветет, а тут его на полях для чемпионата энтого богопротивного повырубили. Чем будем ее кормить и где содержать? Надо б на конюшне, наверное, но как-то я сомнения в этом испытываю...

– Это обычная девушка, – закатил глаза Влас. – Костюм у нее такой. Вот как раз первым делом и подыщи ей что-то более подходящее.

– Ах, обычная, – искренне порадовалась Ядвига. – Это хорошо, коли обычная – у меня аж камень с души свалился. Ступай, девка, за мной, да не отставай.

Я пошла. Без пререканий. Попробуй спорить с такой бабусей!

Мы вышли в сени, где меня чуть не повалил черный ураган, который бросился мне под ноги. От неожиданности я ойкнула, пошатнулась и схватилась за стенку.

– Да не бойся ты этого охламона! – подтолкнула меня в спину Ядвига. – Он и мухи не обидит, инда безобразник страшный! Ну, Сумрак, ну, хватит баловаться. Дай-ка пройти! Это Власа питомец разлюбимый, но, между нами говоря, даже и его не всегда слушается, паршивец этакий. Разбаловали песика Его Ректорство Святое и Великое, да уж!

При ближайшем рассмотрении ураган оказался черной овчаркой с длиннющей прямой шерстью, пушистым хвостом и треугольными стоячими ушами. Не обращая внимания на ворчание Ядвиги, Сумрак еще раз попытался свалить меня с ног. И только удовлетворив свое желание, обнюхал и милостиво пропустил на высокое крыльцо добротного деревянного дома, потеряв ко мне всякий интерес.

Вот тут и пришел мой черед удивиться по-настоящему и поверить в сказку.

После урбанистических городских пейзажей, к которым я привыкла, это было поразительно! Вокруг простиралась зеленая равнина с такой яркой и сочной травой, будто ее только что покрасили краской. Горячее полуденное солнце сияло высоко в огромном голубом небе, по которому ветер, как пастух, лениво гнал белые барашки-облака. С одной стороны виднелось огромное поле ромашек с протекающей вдоль него речушкой. За ней темной стеной возвышался еловый лес.

С другой стороны были разбросаны разнообразные постройки, такие же красивые и добротные, что и дом за моей спиной – кирпичные и деревянные, резные-расписные. Одно строение резко выделялось на фоне остальных своими размерами.

Это был огромный, фантастический белокаменный дворец, декорированный резьбой из гладкотесанного белого камня. Фасады украшали фигуры различных животных,

маски, искусно вырезанные цветы и орнаменты, а ярко-зеленые крыши башенок красиво сочетались с белыми стенами, множеством открытых и закрытых переходов и галерей.

Я прикинула высоту самой главной башни – примерно с семиэтажный дом. В общем, далеко не Москва-сити.

– Когда-то Академия Хозяйственной Магии из дерева была сложена. Из бревнышек, да без единого гвоздика, – тоном экскурсовода сообщила Ядвига, бодро семенящая по тропинке, но не к главному терему, а куда-то вбок. – Это до того еще, как я сюда прибыла. А потом пожар тут был, и весь терем сгорел начисто. Хорошо хоть, не погиб никто. После того случая Влас из камня ее отстроил – так оно надежнее будет.

Я слушала, но вполуха. Жаркое солнце припекало макушку сквозь капюшон уже порядком надоевшего мне кигуруми. С непривычки от свежего воздуха, напоенного ароматами разнообразных трав, кружилась голова.

– А что, у вас-то в мире все эдак ходят, как страхолюды какие? – спросила старушка, на протяжении всего пути с интересом косящаяся в мою сторону. – Обычай, что ль, такой? Или это саван предсмертный? Тебя, может, Горынычу на съеденье отдать хотели, а ты к нам в королевство от него сиганула? Вообще-то для савана расцветка уж больно аляповатая, но, с другой стороны, когда тело человечье разлагаться-то начинается, ему все эти краски присущи. Так, что, может, оно и правильно это.

Такие темы у меня вызывали оторопь, поэтому я принялась просвещать Ядвигу на предмет современной моды своего мира. И о том, что кигуруми – это еще не самое страшное, что может быть в жизни. Старушка охала и припомнила какого-то семихвостого, который непременно заберет тех, кто носит леопардовые лосины, бельевые топы и короткие шорты, невзирая на их пол, расу и вероисповедание.

Я было взялась рассказывать Ядвиге про силикон, филлеры и инъекции гиалуроновой кислоты, но не успела. За очередным поворотом извилистой тропинки показалось кое-что очень интересное.

Это был большой коротко подстриженный газон, на котором были в определенном порядке расставлены разные фигурки, собранные из маленьких деревянных цилиндриков. Те, что находились поближе, были попроще – цилиндрик на цилиндрике и всякое такое. Но чем дальше, тем фигуры становились причудливей и сложнее, и состояли уже не из двух-трех, а из двадцати-тридцати элементов.

В самом начале газона можно было увидеть большую группу людей. Скорее даже две группы, и они разительно отличались друг от друга.

В первой все были разноцветные и русско-народные. Лысый мужчина в косоворотке и зеленом комбинезоне, расшитом узорами. Румяный пухлощекий парень, тоже в косоворотке и синих портках. И миловидная девушка в простом красном сарафане с рыжими волосами оттенка беш-

ной морковки, заплетенными в две косы. Выглядела она достаточно экзотично: на шее висела репа, в ушах болтались сережки с подвешенными к ним зубчиками чеснока, а на голову была водружена широкополая соломенная шляпа с прикрепленной к ней огромной пчелой.

Надеюсь, это был лишь муляж, а не чучело. Ибо, если у них, в этом мире водятся пчелы таких размеров, то я, пожалуй, пойду...

Вторая группа отличалась от первой, как небо и земля. Красивая девушка с абсолютно черными волосами ниже бедер и выразительными миндалевидными глазами, а рядом – огромный короткостриженный амбал и низкорослый рыжий паренек в веснушках. Возглавлял эту группу высокий и очень худой мужчина с собранными в хвост белыми волосами и таким выражением лица, точно объелся лимона. Представители второй группы были в стильной темно-синей форме с эмблемой на левом плече: фуражка, окруженная серебристыми звездами.

Все за исключением мужчин, и парни и девушки, держали в руках по деревянной палке. Каждая была раскрашена по-разному. Кто-то махал ей в разные стороны, кто-то повесил на плечо, или стоял, опираясь на нее, как на трость.

Невозможно было не обратить внимания, с каким превосходством и презрением представители второй группы «темно-синих» смотрят на первых «разноцветных».

Намечалось что-то интересное. Драка, что ли?

– Ядвига Карповна, наконец-то! – закричал при виде нас лысый дядечка в зеленом комбинезоне. – Чучелко мне доставили для занятий по защите от нежити? Добро-добро... Только я что-то не пойму, что это за вид нежити такой? Шишига, что ли?

– То не шишига, Митрофан Игнатьевич, а наша новая студентка, Феврония Астахова, – церемонно представила меня Ядвига.

Тут уж на меня посмотрел не только Митрофан, но и все, вообще все без исключения. Сдвинув капюшон на затылок, я улыбнулась и помахала.

– Вот команда лузеров и в полном составе, – сдавленно хихикнул рыжий, и темно-синие обменялись понимающими ухмылками.

– Не возьму! – едва посмотрев мне в лицо, гаркнул Митрофанушка. – Ни в команду ни возьму, ни в группу свою. Пусть идет с миром куда подальше!

– А в команде-то у тебя недобор, милоч, – хмыкнула старушка. – Как раз одного игрока-то и не хватает.

– Справимся и так! У меня не команда, а орлы! Драконы! – гордо сообщил дядя в зеленом комбезе.

Данное заявление было встречено дружным хохотом со стороны «темно-синих», а на тонких губах платинового блондина зазмеилась усмешка.

– Как наш свет очей ясных ректор Влас скажет, Митрофанушка, так оно и будет. Велит принять ее в свою группу –

примешь, как миленький, – понизив голос, предрекла Ядвига, и мы продолжили свой путь.

Но далеко отойти не успели – за спиной раздался ор Митрофана:

– Милавица! Да кто ж так кидает? Вот так держишь битую, вот так замахиваешься, вот так кидаешь! Не попала! С трех шагов, и не попала. Не так, не так, горюшко ты луковое! Ну, расскажу я сестрице твоей старшей Милице про успехи твои знатные! Она-то лучшей студенткой у меня в группе была! А ты?

Я обернулась, немного понаблюдала за ходом игры и заметила:

– Так это ж городки. Они играют в городки!

– Как есть в городки. Только пока что не играют, а тренируются, – закивала Ядвига. – Нынешний король наш из простых и до забавы этой уж больно охоч, потому велено было в городки играть повсеместно. Правда, сейчас-то он побтесался, Его Величество-то, на королевских хлебах, но игру эту все равно любит. Поначалу, оно, конечно, нет-нет, а потом прижилось и как-то. И стар и млад играет. В нынешнем году мы принимаем Чемпионат академий по городкам. К нам команды съезжаются, почитай, со всего королевства. Ну и болельщики тоже, в деревне вон расположились. Суета одна с чемпионатом энтим, тьфу на него пять раз! Все равно ж не выиграем у Высшего Института Магической Полиции. И у остальных тоже, по правде сказать... Позорище

– Полиция, это которые в темно-синем? – уточнила я, еще раз обернувшись.

– Они, чтоб их семихвостый прибрал к себе, – посетовала старушка. – А беловолосый с ними – то тренер ихний, лорд Евагрий Аркел. Вот уж от кого лучше подальше держаться, девка. Наших-то Митрофанушка тренирует, пентюх этот! Что с него, неразумного, взять? Только глотку драть и может. У него жена на сносях, о ней и думает, маракуша... Милицей кличут ее, бывшая студентка этой же академии. Я уж и Власу говорила-то, надо б нам команду перенабрать, а все пустое... Не о том он думает, далеко отсель мыслями бродит. Нету азарту у него, не нужна победа ему эта... Жениться ему надо, вот чаво... Хоть на старости лет внучат понянькаю... Да и то пустое... Не женится, ирод. Так бобылем в могилу и сойдет...

Ядвига сделалась такой грустненькой, что у меня аж слезы на глаза навернулись. Но одновременно и взыграло любопытство.

– А отчего не женится-то? Он ведь мужчина... видный, – запнулась я, чтоб не выпалить «великолепный, роскошный, шикарный».

– Да, кто их, образованных, разберет? – Ядвига махнула рукой. – Не рассказывает. Я ж кто? Тетка его дальняя по материнской линии, седьмая вода на киселе. Не выгоняет отсель, и то хлеб. Я ведь с прошлым порвала, нету мне места нигде, только вот здесь вот и прибилась. Спасибо Вла-

су, работу дал, не обижает. Кручина у него, так мне мыслится. Тяжелая, темная. Не нашего это дело ума. Ладно, девка, ты тоскливых разговоров не слушай, а в избу заходи! Так у меня рученьки и тянутся твою, прости господи, шкуру в печурке сжечь. Вона, как люди косятся. Сейчас оформим тебя, как порядочную красну девицу. По первому, можно сказать, разряду.

– Э нет, у меня тут, между прочим, очищающая витаминизированная блестящая быюти-маска уходовая с астаксантином!

– Я таких заклинаний не знаю, – отрезала пенсионерка. – Входи давай! И без глупостей.

Я глубоко вздохнула, и, как на заклятие, ступила в приземистую избу.

ГЛАВА 5

ВЛАС

О чем он думал, полулежа в наполненной горячей водой ванной в своей личной купальне?

Пожалуй, ни о чем. Мысли текли вяло, лениво. Простые мысли о обычных делах принадлежащей ему академии... Отчеты, ведомости, рутинная бумажная работа, которую он никогда не любил. Чуть позже он с ней разберется, засядет.... Король решил устроить городошный чемпионат в академии – это неплохо для популяризации академии, но требует жесткого контроля. И, может быть, все-таки стоит уделить больше внимания команде АХМ, а то они на тренировках лажают так, что курам на смех. Тетка Ядвига вон, все уши прожужжала. Влас и сам видел.

Не то, что команда магполица...

Высший Институт Магической Полиции. Четыре самых обычных, сухих и официальных слова эхом отдались в сердце, вызывая привычную застарелую боль.

Ректор смежил веки, и как наяву увидел волшебные фиалковые глаза и блестящие ореховые волосы, струящиеся по спине шелковистым покрывалом.

Все эти годы она не покидала его, как Влас не пытался ее прогнать из своих мыслей, мечтаний и снов.

Фрэнтина Аштон, нерадивая студентка магполица, кото-

рую много лет назад ее отец-ректор в качестве наказания отправил к нему, Власу, в Академию Хозяйственной Магии на перевоспитание.

Фрэнни... Его единственная и запретная любовь.

Когда прямо над его ванной открылся радужный портал, Влас даже особо и не удивился. Много лет будучи хозяином Академии Хозяйственной магии, он привык к самым разным и изощренным выкрутасам студентов. Наоборот, воспринял с ленивым интересом. Опасности не было. Скорее всего, какая-то тысяче первая студенточка таким образом пытается привлечь к себе его внимание. За все эти годы их было много, даже слишком много, красивых и не очень, хитрых, умных, глупых, разных... Его пытались охмурить, околдовать, опоить приворотным зельем или любовным напитком, залезть к нему в постель, сердце, душу и кошелек. Сколько горьких девичьих слез было пролито в подушки из-за любви к ректору Академии Хозяйственной Магии!

Все было напрасно. Влас не чувствовал ко всем этим девицам ничего, кроме скуки и легкой досады.

Все эти годы лишь одна девушка была в его сердце. Фиалковые глаза, темные волосы, алые губы.

Она одна. Навсегда.

Одним мановением руки Влас мог закрыть портал, замедлить или остановить падение того, что из него вывалилось, но не стал, предоставив событиям развиваться своим ходом. Он почувствовал женскую энергию.

Да, это была девушка, и... Ее можно было строго наказать – хоть какое-то развлечение. Но сначала нужно было узнать, как она со своим порталом обошла все магические блоки и защиту, которая была наложена на весь его дом в целом и каждую комнату по отдельности. Вот это действительно было любопытно. Не сильно, конечно, но любопытно.

Она упала прямо на него в самом нелепом одеянии, которое Влас когда-либо видел – меховом разноцветном костюме единорога. Лица он ее пока не разглядел – только огромную дико нелепую морду-капюшон.

Что за девушки нынче пошли? Уж если решила свалиться на ректора, когда он принимает ванну, то, наверное, лучше это сделать в каком-нибудь красивом нижнем белье. А то и вовсе без него.

Хотя, по своей сути, это Власу было глубоко все равно. Он намеревался строго отчитать нарушительницу и выставить ее из своего жилища чуть ли не пинками. Это была ЕГО территория, и чужим здесь было не место.

А потом девушка подняла голову...

И он понял, что попал. Сон, греза, мечта, бред...

Те самые глаза-фиалки, которые только что виделись ему в несбыточных мечтах!

Это была Фрэнни, его Фрэнни. То же милое и упрямое лицо, ладная фигурка, шелковистые волосы цвета лесного ореха... Она была реальна. Возмутительно, жестоко, противоестественно реальна. И так близко.

Невозможно! Он сходит с ума. Но как же это сладко...

То, что перед ним не Фрэнтина Аштон, Влас почувствовал даже до того, как девушка назвала свое имя. Но измученное годами сердце не хотело этого понимать этого и принимать.

Оно бешено билось о ребра, и каждый удар отдавался в ушах колокольным набатом.

Оно велело немедленно стиснуть лежащую на нем девушку, что есть мочи. Вдавить, вплавить в свою грудную клетку, задыхаясь от боли и счастья, которого, как он все эти годы думал, он не заслуживает. Обнять и больше никогда, никогда в жизни не отпускать от себя.

Это была не Фрэнни. Это был ее двойник из параллельного мира, заброшенный прямиком к нему, в Академию Хозяйственной Магии.

У Аристарха Красавина, который сбежал из королевства, почему-то осталось магическое право действовать от имени Академии и заключить контракт, ведь он какое-то время был заместителем Власа...

Вряд ли Красавин знал, что отправляет к нему идеально точную копию той, которую Влас так сильно, до щемящей боли в груди любил все эти годы и безуспешно пытался забыть.

Жестокая насмешка судьбы? Ирония? Проверка на прочность?

Скорее всего, так.

Фрэнтина Аштон была его ошибкой, его болью. Принес-

ла слишком много горечи. И Влас не намерен повторять эту ошибку снова, поддаваясь эмоциям, от которых душа рвется в клочья.

Феврония будет спокойно учиться в Академии Хозяйственной Магии и никогда не узнает о том, как сбивает его дыхание при одном взгляде на нее. Он ни на йоту не приблизится к ней на протяжении всего ее обучения. Он не позволит раскаленной кипящей лаве вырваться из вулкана, превращая все вокруг в черные обугленные останки. Влас не даст ей понять или почувствовать, что она значит для него.

Настало время излечиться от этой дикой лишившей его рассудка любви.

ГЛАВА 6

– Ох, и посмотри на себя, Феня, какая ж ты стала красавица. Сейчас еще щечки свеколкой немного подотрем для румянца нежного, девичьего, и хоть во дворец тебя вези! Такой невестой сам король не побрезгует. Он как раз об отборе давеча объявил.

Ядвига хлопотала вокруг, в то время, как я стояла около большого зеркала и пыталась справиться с последствиями тяжелого шока. В этом мне очень хорошо помогла сама почтенная пенсионерка, которая рубанула на две части огромную свеклу и пошла на меня с ее половинками в руках, как террорист с двумя гранатами.

– Не надо свеколки! – взвизгнула я и, путаясь в многочисленных юбках, побежала от нее по избе вприпрыжку. – Не надо румянца нежного, девичьего! И кокошник с меня снимите! Их только замужние женщины на Руси носили.

– А у нас все носят, – хладнокровно сказал Ядвига, поймала меня за плечи и вернула к зеркалу. – Девка глупая, неразумная, глянь – краса-то какая. Глаз не отвесь!

М-да уж, не отвесь. Что было, то было!

Из зеркальной глади на меня смотрела пышно разряженная девица. Огромный узорчатый кокошник лопатой возвышался над моей головой, а разноцветные камни, коими он в обилии был инкрустирован, утяжеляли всю конструкцию

и тянули мою несчастную головушку к земле.

Впрочем, не только кокошник – серьги, вдетые в уши, весили, наверное, по пуду каждая, чем-то напоминая две массивные люстры. На этом бижутерия не заканчивалась – шею в восемь рядов увивали бусы крупными красными шариками.

Под ядерно-красным сарафаном, в обилии изукрашенным золотистым шитьем и тесьмой было надето несколько цельнокроеных нижних рубаш, из-за которых я визуальнo прибавила в весе килограмм на пятнадцать. Плечики самой верхней белой рубашки топорщились вверх – подплечники из 80-х и рядом не стояли с таким размахом. В довершение всего этого богатства на ногах у меня поскрипывали красные сафьяновые сапожки.

От свеклы Ядвига, слава богу, отказалась, но вместо этого накинула на меня огромный, как парус фрегата паллада, расшитый яркими цветами платок с кистями.

Я смотрела на себя и недоумевала, на кого больше похожа: на Марфушеньку-душеньку, царевну Забаву или всех купчих Кустодиева, вместе взятых?

Весило все это богатство примерно, как броня средневекового рыцаря.

– Вот это я понимаю. Хоть на человека стала похожа, на магичку порядочную, – щебетала Ядвига Карповна. – А не то, что джеггинсы твои, да портки с заворотами, чтоб их сeмхвостый сгрыз.

– Принцесса, – определившись со своим типажом, я уперла руки в боки. – Как есть принцесса. Хотя нет, не принцесса... Королевна!

– А ить почему, собственно, и нет? Коль хочешь, за короля тебя просватаем, – оживилась Ядвига. – Отбор выиграешь, всех соперниц обойдешь. А как станешь его супружницей, то академию-то родную не забудешь, поди. Дотаций нам пушай отпишет, али субсидий каких.

– Не очень люблю шоу «Холостяк», – честно сообщила я, пытаясь избавиться от кокошника, который раздражал меня больше всего. – И красный цвет тоже.

Маленькие шпильки, которыми он был прилажен, словно срослись с моими собственными волосами.

– Ничего ты не понимаешь, – обиделась Ядвига и легким мановением пальцев сняла с меня кокошник. – Молодая еще. Глупая.

Под ее недовольное ворчанье мне удалось избавиться, по меньшей мере, от половины остальной амуниции. Видок у меня, конечно, был еще тот, но теперь я хоть могла нормально дышать и передвигаться.

– К столу присаживайся, – проворчала заместитель ректора по воспитательной работе. – Голодная небось.

Меня не надо было уговаривать – я действительно была голодная, как волк. Ядвига поставила передо мной горшочек гречневой каши с грибами и запотевший кувшинчик клюквенного морса. Сама же вернулась к лепке пирожков, кото-

рые были разложены на другой стороне длинного широкого стола.

– Перво-наперво, Феня, для обучения в академии нашей должно тебе магической силой обзавестись, – вещала старушка, раскатывая тесто. – Для того колдовство есть старинное, заветное. Силу к тебе зверь-помощник приведет, только призвать его надобно ритуалом древним, сакральным. На вечерней зорьке выйди на околицу. Поклонись небушку чистому, матери-землице, да солнышку заходящему. Затем три раза обернись вокруг себя, три раза топни ногой и три раза скажи такие слова: «Прибеги, прилети, приползи, мой тайный зверь, приведи с собой мою силу! Будем связаны с тобой отныне узами кровными, нерушимыми!».

– А потом? – затаив дыхание, спросила я.

– И жди, – наставительно продолжала старушка. – До того, как солнце скроется, помощник твой к тебе явиться должен. Ты не зевай, а скорее его хватай, к сердцу прижимай, а потом губами его помеж глаз коснись. То обряд завершит, между вами связь установит и магические силы в тебя вдохнет. Эту магию ты сразу почувствовать должна. Если фамильяр сильный откликнется – то и силы много будет. А если слабенький – то уж не обессудь. Тут уж, Фенечка, как повезет, как позовешь – тот и откликнется.

– Если наша связь будет неразрывна, что с этим фамильяром будет потом? Когда я отправлюсь домой?

– А, ничего особенного! – махнула рукой Ядвига. – Кон-

тракт с помощником надо продлевать раз в пять лет. Просто не продлишь – да и дело с концом. Он себе нового хозяина найдет.

Я хотела побольше ее расспросить о тонкостях заведения фамильяра. И в частности, о том, обязательно ли целоваться с этим животным (а ну, как змея приползет?!), но Ядвига взяла, да и ошарашила:

– Ты, милая, клювом-то не щелкай, а кашку доедай побыстрее, да дуй на околицу. Вон как раз солнышко к горизонту клонится... Как только связь со зверьком установишь – сюда поскорее возвращайся, по темноте одна не разгуливай. По первости у меня переночуешь, а там в общежитие тебя заселим, как и положено.

Я глянула в оконце и увидела, что действительно – день как-то незаметно подошел к концу, и заходящее солнце освещало мир закатным золотисто-розовым светом, придавая предметам длинные тени.

– А если мне не нужен ни фамильяр, ни магия? Если я вообще не хочу в этом на людях показываться? – я со злостью дернула подол своего баба-на-самовар сарафана.

– Как это магия не нужна? – нахмурилась Ядвига. – Магия всем нужна! Дали боги фамильяра, дадут и колдовского дара. Не колдуешь – не магичка! Ты сюда обучаться явилась, или что?

«Или что» – очень подходящее определение. Но суровая пенсионерка была права – какая дура будет отказываться от

магии? В конце концов, она может помочь мне вернуться домой раньше срока.

Так что я расправила складочки своего сарафана и, следуя четкому маршруту Ядвиги, отправилась добывать фамильяра. Хорошо хоть, не встретила по дороге никого.

В поле была тишь да благодать: вечерняя прохлада разливалась в воздухе, небо предзакатно розовело, на траве выступила роса, пахло ромашками и клевером.

На всякий случай я отошла подальше от академии и поближе к лесу и принялась за дело. Отвесив поясные поклоны (и даже с рукой) заходящему диску солнца, небу и земле, я три раза повернулась по часовой стрелке вокруг себя.

Интересно, какой ногой надо топтать, правой или левой? Я решила, что, раз Ядвига не дала четких указаний на этот счет, то все равно, и топнула обеими ногами сразу, после чего торжественно пропела:

– Прибеги, прилети, приползи, мой тайный зверь, приведи с собой мою силу! Будем связаны с тобой отныне узами кровными, нерушимыми!

И замерла в ожидании. Вокруг было благодатно и тихо. Тайный зверь как-то не спешил радовать меня своим появлением.

– Прибеги, прилети, приползи, мой тайный зверь, приведи с собой мою силу! Будем связаны с тобой отныне узами кровными, нерушимыми! – возвысив голос, повторила я.

Ничего. Солнечный диск почти скрылся за верхушками

темного леса. Может, ему не нравятся устаревшие формулировки? Может, не любит он стандартных фраз? Может, с ним как-то поласковее надо?

– Тайный зве-е-ерь! – сложив руки рупором, крикнула я и немного посвистела. – Иди ко мне, мой маленький, иди ко мне, мой хороший! Давай дружить? Тайно и нерушимо.

Не успела я договорить, как со стороны Академии Хозяйственной Магии раздались пронзительные звуки.

Спустя пару мгновений я разобрала, что это за звуки, а затем и увидела своего фамильяра.

– Твою дивизию... – прошептала, схватившись за голову. – Только не это! Пожалуйста, нет...

Прямиков ко мне, весело похрюкивая, неся огромный боров. Грязен он был до такой степени, что разбрызгивал ее вокруг себя, как поливалка, при этом оставляя за собой на траве коричневый след.

«Тайный зверь» шустро подбежал ко мне и принялся радостно кружиться вокруг, тыкаясь пяточком мне в подол.

– Хватай и к сердцу прижимай? – с накатившим ужасом повторила я наставление Ядвиги. – Губами между глаз коснись?

Знаете, пожалуй, ну ее, эту вашу магию, в пень!

Меж тем боров подпрыгивал, счастливо посверкивая глазками и давая понять, что ни за что не откажется ни от обнимашек, ни от поцелуя.

Господи, да как его вообще поднять-то?!

Ладно, Феня, давай действуй... Быстрее отмучаешься! Выбора у тебя все равно нет.

Я сурово сдвинула брови, засучила рукава и подняла повизгивающего от удовольствия свина. Грязь с него стекала наподобие жидкого шоколада – горкой. Во что превратился мой нарядный сарафан, любовно подобранный Ядвигой, лучше промолчу.

– К сердцу я тебя прижала, – сквозь стиснутые зубы прошипела я. – Теперь самое сложное.

– Ой, а че это вы тут делаете?

Я была настолько сосредоточена и собрана, что даже не посмотрела, кто спрашивает. Губами промеж глаз – и все, считай, отмучилась... Однако навязчивый голос снова повторил свой вопрос, мешая мне завершить операцию.

Пришлось немного отвлечься. Праздное любопытство проявил уже знакомый мне крепыш из команды АХМ по городкам. Тот самый, в косоворотке и синих портках. Правда, сейчас он одет был не столь празднично, и, в принципе, не особо отличался от свина.

– Не видишь? С фамильяром связь устанавливаю, – прошипела я, концентрируясь на довольном до невозможности поросе. – Не мешай!

– Так это ж Ерошка, боров наш с подворья! Он фамильяром быть никак не может, – сообщил парень.

Руки разжались за сотую долю секунды и Ерошка грязевой бомбой рухнул вниз, оглашая поле и лес обиженным виз-

гом на самой высокой ноте, которую я когда-либо слышала, и шустро рванул в ту же сторону, из которой и явился.

– Почему не может? – замогильным голосом спросила я.

– Так это... Он давно мужских способностей лишенный, а такой животине помощником мага быть несвойственно, – пожал плечами паренек. – Ерошка больно в грязи валяться любит, вот нас с Милкой Митрофан Игнатьевч наказал за сегодняшнюю тренировку – велел, чтоб вымыли мы его до блеска зеркального, и чтоб благоухал он розами майскими. И без капли магии то. А Ерошка возьми да вырвись. Ему чистая водица, как нож к горлу.

В сердцах я припомнила довольно много интересных выражений. Бабушка с БАМА могла бы мной гордиться. Пожалуй, я переплюнула даже Красавина, когда он обнаружил погром в своей комнате.

Нет, лучше мне не смотреть на себя и Ерошку, лучше не смотреть! Иначе я никогда не замолчу!

– Ты теперь с нами учиться будешь? – спросил меж тем парень, как будто не обращая внимания на пикантность ситуации. – Феврония Астахова, я запомнил. Меня Мавсим зовут. Ладно, еще увидимся, а то нам с Милкой Ерошку поскорее отловить да отмыть надобно, пока общежитие не закрылось – не особо охота на улице ночевать, особенно Милке. У нас с этим строго. Кстати, коли ты фамильяра призываешь, попробуй ему чего-нибудь посулить. Говорят, они хорошо на это откликаются.

Я даже нашла в себе силы поблагодарить доброго Мавси-ма, а когда он удалился, начала:

– Прибеги, прилети, приползи, мой тайный зверь, приведи с собой мою силу! Будем связаны с тобой отныне узами кровными, нерушимыми! Уж я тебя, мой ненаглядный, буду холить и лелеять, любить, поить, кормить, вычесывать. Не томи, тайный зверь, заждалась я тебя, родимый!

Будь я сама фамильяром, ни за что бы не откликнулась на то угрожающее шипение злобной ведьмы, которое я издавала.

Подступающие сумерки окрасили мир в таинственные синие краски. Откуда-то издалека раздались тонкие хрустальные перезвоны, как будто кто-то крошечный тряс волшебным колокольчиком.

На опушке леса, меж деревьев, появилось неясное серебристое свечение. И оно очень быстро приближалось. Если это еще один свин, ну, например, какой-нибудь дикий кабан, то я этого просто не перенесу!

Однако, повинуясь непонятному чутью, я пошла вперед, навстречу сиянию. Звон колокольчиков стал слышнее и, через пару шагов, я увидела, что этот загадочный мерцающий свет испускают бабочки, летящие напрямиком ко мне.

Их тонкие крылышки испускали невесомую серебрянную пыльцу, которая шлейфом следовала за ними в воздухе.

Их было всего две – ярко-желтых, нежных, грациозных, словно танцующих друг с другом в неведомом танце. Они

закружились прямо надо мной, осыпая волшебной пылью, а я, забыв про все, не могла оторвать от них глаз.

Зачарованная, я протянула руку вверх.

Одно из эфемерных созданий порхнуло на мою ладонь и... сказала сильным басом портового грузчика:

– Отбой, Гэри, это голем! Валим отсюда.

– Да какой же это голем, Коди? – не менее хрипло отозвалась вторая бабочка и тоже уселась на мою чумазую ладошку. – Это ж болотница! Вон жижка болотная с нее стекает красивенько как, живописно.

– Какая болотница, паутину те в крылья! – возразила первая бабочка, Коди. – Это самый настоящий голем, причем мужского пола! Пахнет, как голем, значит, голем и есть!

– Паучьи яйца, да разуй глаза-то свои, Коди, она ж только что вылезла из болотной жижи! – разозлился Гэри. – Может, дочь болотника, а может, и жена его, кто их разберет?

Бабочки, не слетая с моей руки, очень агрессивно заспорили по поводу моей идентификации, а я в это время безуспешно пыталась вернуть на место отпавшую челюсть.

– Смотри, Гэри, голем открыл рот, – заметил Коди. – Наверное, он применил фамильярный призыв, потому что голодный и хочет нас сожрать.

– А я говорю, это болотница, которая позвала нас, потому что хочет с нами спеть, – возразил Гэри.

– Ну, с болотницей-то мы петь не будем, – хихикнул Коди.

– Это уж точно, – поддержал его Гэри.

И обе бабочки совершенно неприлично для таких миниатюрных существ заржали, аки кони. После чего взлетели с моей ладони и, продолжая пересмеиваться, намылились обратно в лес.

– Стойте! – рявкнула я.

– Чего тебе, голем? – свысока обернулась одна из бабочек.

Они были абсолютно похожи, и разобрать, кто из них Коди, а кто Гэри, уже не представлялось возможным.

– Я не болотница, и не голем! Я – человек, и это я призвала фамильяра! Очевидно, это кто-то из вас. Так что выбирайте, кто и... И будем завершать ритуал моего офамильяривания! – решительно заявила я.

– Мы – братья-близнецы и работаем только в паре, – заметила одна из бабочек, и в ее голосе появился интерес.

Они вернулись, и снова закружились надо мной.

– Нет, ну в принципе, если приглядеться, то похоже на девушку.

– И довольно красивую. Глаза – как две фиалки, так и хочется хлебнуть нектарчику. Только она, видать, страшная грязнуля.

– И пахнет, как отрыжка тролля.

– Ничего, обеспечим магией, перевоспитаем, отмоем, оуклим – может, и вылупится из нее чего-то путное... Ну что, берем ее, Коди?

– Я в деле, Гэри.

Точно сговорившись, бабочки синхронным движением

порхнули мне на грудь, а затем я почувствовала легкое прикосновение бархатистых крыльев к своим губам.

Серебряное сияние вспыхнуло ярким, ослепляющим светом. Ураганный ветер столбом поднялся вверх, всколыхнув кроны ближайших елей, как тростинки. Я почувствовала толчок в грудь такой силы, что не удержалась на ногах и упала. В следующее мгновение все стихло.

– Я ж тебе говорю, Гэри, она любит валяться в грязи.

– Я не люблю валяться в грязи! – возмутилась я, с трудом поднимаясь. – Просто вы слишком долго ко мне летели. И я... я перепутала вас с кое-кем другим.

– Ну, опоздали чуток, бывает... А с кем ты нас перепутала?

– Неважно!

– Ты лучше сколлуй с себя грязь, – между тем предложил, по моим предположениям, Коди. – Есть такое заклинание магической очистки, теперь оно должно быть тебе доступно.

– Загляни внутрь себя, и найди его там, в чертогах разума, – добавил Гэри таинственным, мистическим голосом. – Короче, проверка на линии.

И оба брата с интересом уставились на меня.

Самое удивительное, что я поняла – заклинание очистки действительно существует, и я даже его знаю. Как будто что-то теплое обволокло мозг и принялось посылать эти теплые, немного щекочущие импульсы в руки.

А это необычно! И приятно!

Магия... Неужели, у меня теперь есть магия?!

Я легонечко махнула ладошкой. Как это произошло, сама не поняла, но в следующее мгновение коричневая жижа, которой залил меня добрый свин Ерошка, приняла густой и яркий темно-вишневый цвет.

– Судя по всему, работы предстоит много, – философски заметил Гэри, а Коди печально то ли вздохнул, то ли высморкался в ответ.

К избушке Ядвиги наша троица прибыла почти в сгустившихся сумерках. Старушка распахнула дверь со словами:

– Ну, наконец-то, славам всем богам, а то я уж тебя искать идти хотела, Феня... – и тут она замолчала на полуслове, после чего заголосила. – Ай и что за лиходей такое с бедной девкой сотворил? Кровушки сколько пустил, собака, уж я его найду, не поздоровиться маньяку этому! Давай-ка в избу живо, лечить тебя буду!

– Это сопли тролля. А еще она со свином целовалась. Магию мы ей передали, но пользоваться она пока ей не умеет. Ну, разберемся там, по ходу дела, – скороговоркой доложил Коди, порхнув в избу. – У вас подкрепиться ничего не найдется, бабушка? А то мы с братцем проголодались – страсть!

– Медку цветочного, али нектарчику, – поддержал его Гэри, залетая следом. – На худой конец, пирожок с повидлом тоже подойдет.

– Можно яблочное, но лучше вишневое, – деловито доба-

вил Коди, усаживаясь прямо на стол. – Хотя Гэри вообще-то предпочитает повидло из маракуйи или гуавы.

Ядвига смотрела на бабочек с таким выражением, словно прямо сейчас собралась взяться за мухобойку. Потом перевела взгляд на меня.

– Чудны дела богов, – пробормотала пенсионерка. – Озадачила ты меня, девка. Обычно у магичек фамильяры мохнатые да хвостатые, иной раз пернатые. Насекомые среди них ох, как редко встречаются. Силу они дают диковинную, необычную, вот только совладать с ней не у всех получается... Иные от таких помощничков отказываются.

– А я попробую, – бодро сказала я и попыталась войти в избушку вслед за бабочками.

– Э-э-э, милая, нет! – стеной встала на пороге Ядвига. – Куды собралась? Хочешь мне всю горенку соплями тролля залить? Сейчас я тебя тут прямо, на улице почищу, потом и заедешь. Покормим твоих троглодитов, да на ночлег будем устраивать. Вам завтра раненько надо встать, чтоб до занятий успеть в общежитие заселиться. Я прознала, там комнатка одна хорошая освободилась.

– То есть как? – вытаращилась я. – Завтра уже на занятия?

– А ты как хотела, ягодка? – усмехнулась Ядвига. – Ты сегодняшним числом зачислена в группу Аз-1. Куратор твой – Митрофан Игнатьич – он за опоздания да прогулы карает сурово.

ГЛАВА 7

Комендантом студенческого общежития была кикимора. Натуральная такая кикимора – девушка с зеленой кожей, более темными по оттенку зелеными волосами, острыми ушами и хитрющим выражением лица. На ней была длинная цветастая юбка до пола, узкий обтягивающий топ из того же материала, а на шее – толстая золотая цепочка сложного плетения с огромным зеленым кулоном.

За подол юбки цеплялось пяток ее маленьких копий разного пола и цвета кожи. Некоторые кикимороши были зеленые, а некоторые обычные. Некоторые хныкали, некоторые хихикали, а один мальчик просто висел на подоле, задумчивая посасывая большой зеленый леденец в форме лягушки.

На руках у кикиморы был большой сверток с самым малым представителем ее семейства, который она трогательно прижимала к груди, легонько покачивая. Сверток некоторое время молчал, но вскоре разразился горьким и обиженным плачем.

Из-за двери ее комнаты выглянул лопоухий приземистый мужичок в зеленом кафтане и казачьей шапке набекрень. Не удостоив меня и взглядом, он, характерно окая, сказал:

– Давай Залику мне, любимая, я ее покормлю да спать уложу. И с ребятишками поиграю.

– Ты ж моя заботушка, Валерьяночка, – ласково сказала

кикимора, чмокнула его в лысину и передала сверток.

После того, как муж кикиморы скрылся за дверью, плач сразу стих. Туда же плавноенько утекли и остальные кикимороши. А нежить пошла показывать мне комнату.

— Ох, ты ж моя золотая-брильянтовая, у меня и так все забито этими студентами из других академий, места живого нет! По двое селить их приходится! Но так и быть удружу я тебе, понравилась ты мне больно — лицо твоё знакомо как будто. Как родной, такую комнатку отпишу, шик-блеск-красота! — приговаривала кикимора, размахивая большим ржавым ключом. — Миленькая, светленькая, чистенькая, сама б там жила, да однокомнатная она, а у меня, видишь, семейство-то большое! Не комнатка, а покой королевский, просторный, уютственный, тёплый. Повезло тебе, красавица, ой, как повезло! Там раньше племянник самого Его Величества жил, когда у нас в академии учился. Так ему там нравилось, так любо было, он ажно съезжать оттуда не хотел, как обучение закончил. Здесь, говорит, обитать буду. Не надо мне дворцов роскошных, палат царских, покоев вельможных, богато обставленных. Лишь в этой комнатке заветной жить хочу, да добра наживать...

Кикимора повозилась ключом, который с трудом поворачивался в проржавелом замке, после чего дверь открылась с таким ужасающим скрипом, что я схватилась за сердце. Нежить с радушной улыбкой простерла вперед руку — мол, входи, оцени королевские покои скорее. Но сама заходить

почему-то не стала.

Ну а я вошла. М-да уж, это тебе не мой красивенький и современенький номер в Президентском Лицее...

Ведь там никто бы не додумался декорировать стены тарелками. Да! Расписными тарелками самых разных размеров и расцветок, какие только придут на ум. Впрочем, орнаменты были в основном цветочные... ну, или животные. Они висели по стенам стройными рядами, и живого места на этих стенах не было.

Подойдя поближе, я провела пальцем по ближайшей посудине с огромной синей розой на ней. Палец мгновенно стал серым от пыли.

– Ну, сама видишь, красота какая да уют – заезжай и живи, красавица! – щебетала кикимора, так и не переступая, впрочем, порога.

Все это время Гэри и Коди сидели у меня плече, недовольные ранним подъемом и оттого сонные. Но сейчас немного расшевелились – вспорхнули вверх и закружились по комнате.

– На мой взгляд, дизайнер переборщил с декором, – заявил Коди. – А ты что думаешь, Гэри?

– А по-моему, ярко выраженная эклектичность, пристрастие к богатой и дробной декорации, текучесть форм и явная любовь дизайнера к орнаменту интерьера создает особую атмосферу уникальности и неповторимости, отсылающей нас к лучшим образцам зодчества Византийской им-

перии, – отозвалась вторая бабочка, перелетая с тарелки на тарелку. – Опять же, посуда в хозяйстве завсегда пригодится.

– А я о чем? Орнамент этого самого... интерьеря, он, ну очень уникальный и неповторимый! Сам королевский племянничек не повторялся, – обрадовалась кикимора, намереваясь шустренько ретироваться.

– Стоп! – я, прищурившись, поглядела на нечисть. – Ядвига Карповна сказала, что комната только освободилась...

– Так эта и освободилась! – сделала честные глаза кикимора. – Посмотри, хорошо как здесь, приятственно, отдохновительно, уникально и неповторимо. Опять-таки, лучшие зодчие Византии...

– Она не только что освободилась, здесь давно никто не жил! – я ткнула пальцем в толстый слой пыли, что был на всех поверхностях, не только на тарелках. – Почему?

Кикимора открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела. В комнату заглянула проходящая по коридору девушка и загадочно сообщила:

– Здесь Жирик живет.

Я ее узнала – это была Милавица, участница команды АХМ по городкам. Как не узнать? Морковные волосы, ожерелье из репы, сережки в виде чеснока и шляпу с пчелой сложно было забыть. Сегодня, правда, вместо шляпы голову Милы украшал обруч с приделанным к нему подсолнухом и двумя перышками по бокам. Зато репа и чеснок были на своем законном месте.

– Тыфу на тебя, Милка, всю малину испортила! – воздела густо подведенные очи к потолку кикимора. – Пять лет сюда кого-нибудь заселить мечтаю, а все никак, что ж такое-то?

– Кто такой Жирик? – спросила я уже конкретно у Милавицы.

– Дух обжорства, – серьезно ответила она. – Он аппетит зверский насылает. Если будешь долго тут находиться, то будет все время хотеться есть. Постоянно! Жирик не успокоится, пока ты не отъешься до такой степени, что не сможешь пролезть в дверь. Даже сейчас, ты там стоишь, а тебе уже есть хочется, посмотри.

Я с ужасом почувствовала, что внезапно да, мне хочется. И сильно! Хотя Ядвига Карповна перед выходом плотно накормила нас с бабочками блинами со смородиновым вареньем.

– Ну на фиг! – пискнула я, и дала из обиталища Жирика стрекача, а Гэри и Коди поспешно выпорхнули вслед за мной.

– Какая комната освободилась вчера? – разозлилась, с угрожающим видом надвигаясь на комендантшу. – Про которую Ядвига рассказывала! Показывай, и быстро!

– Не могу, заняли ее уже, заняли! Прямо вчера и заняли!

– Кто?

– Амаранта Гарсиас дэ Ноче! – с чувством ответила нечисть.

– Капитан команды магической полиции. Ты же видела ее

— она в их команде единственная девушка, — пояснила добрая Милавица, теребя в ухе луковичку чеснока. — Участников всех команд на время чемпионата поселили у нас в общежитии. А еще они на занятия с нами ходят, чтобы не забывали процесс обучения. Амаранту сначала ко мне подсадили, но не шибко она в восторге была. Вот она и вытребовала себе отдельное жилье.

— С ножом к горлу пристала! — заголосила кикимора. — Детишек грозила порезать всех, а мужа в рабство продать!

— Какой у тебя красивый кулончик, Диша, — заметила Мила. — Новый?

— Это мне Валерьян подарил, муж законный, — явно солгала нечисть, пряча подвеску под топик, и кивнула мне. — Ладно, иди за мной. Раз не получилось с Жириком, есть у меня еще один вариант... Кого-то ты мне все-таки напомним... Ты у нас, часом, ранее не обучалась?

— Нет, — твердо сказала я.

Комната, в которую завела меня кикимора на этот раз, еще разительнее, чем первая, отличалась моей комнаты в Президентском лицее. И вообще от всего, к чему я привыкла.

Стены неровные, потолок со скатом, пол вообще какого-то бордового цвета, как будто это было логово маньяка. Кровать высокая и узкая, дверцы шкафа болтаются на одной петле, а светленькие в цветочек занавески явно кто-то долго и упорно жевал.

Я уж собралась было закатить скандал, хоть и уже опаздывала на первую пару, но бабочки чуть ли не пинками выставили меня на занятие, заявив, чтоб не смела нарушать процесс обучения и мотыльком мчалась на занятие. Мои крылатые фамиллярчики очень радели за то, чтоб я поскорее открыла свой магический дар и начала им пользоваться в полную силу. А Гэри с энтузиазмом пообещал, что в мое отсутствие он сделает комнатку не просто пригодной для житья, а чуть ли не королевские хоромы из нее состряпает.

Предоставив бабочке проявлять свой дизайнерский талант, я отправилась на занятия.

Вообще, я с трудом представляла, что здесь и где находится – территория академии была больша-а-ая. Но перед тем, как выпроводить меня из избушки, Ядвига Карповна вручила маленькое карманное зеркальце – что-то вроде местного навигатора, я так поняла.

Но помощь зеркальца не понадобилась – в коридоре я столкнулась с Милавицей, которая тоже спешила на пару по грязи и с радостью согласилась показать дорогу. Вместе и отправились.

Мы успели занять свои места на скамьях прежде, чем раздался звон колокола на главной башне. Вот только, как назло, свободных мест оставалось мало, поэтому пришлось сесть прямо перед уже знакомой мне компанией из Института магической полиции. Вся святая троица была на месте, за исключением их платинововолосого куратора: рыжий востро-

носый паренек с веснушками, качок, на широких плечах которого форма магнолица чуть ли не лопалась, и красивая девушка с длиннющими черными волосами, заплетенными в две сложные косы.

Это и была та самая Амаранта Гарсиас дэ Ноче, капитан городошной команды полицейских, которая подкупила кикимору кулончиком, чтоб ей досталась отдельная комната.

Едва Милавица успела просветить меня, что рыжего зовут Крекен, а качка Бардалф, как троица обменялась издательскими усмешками. А рыжий нагнулся и чрезвычайно противно прогудосил:

– Морко-о-овка Хрум-Хрум... Слышал, Хрум-Хрум, ваш болван-тренер за вчерашнюю тренировку отправил вашу никчемную команду к свиньям в хлев? Очень подходящее для вас место.

Подсолнух на обруче Милавицы задрожал.

– Эй, Морковка, что бьет неловко! – не унимался веснушчатый. – Или ты сегодня Подсолнечная дева, которая мажет слева?

Мила сжала губы и выпрямилась, но не сказала и слова. Я видела, что она чуть не плачет.

– А кто сегодня ты? – обернувшись, я посмотрела рыжему прямо в глаза. – Придурок, которому не к кому прицепиться?

Рыжий удивленно заткнулся, но ненадолго. Видимо, в этой троице он был главным запевалой.

– О, а вот и у любительницы единорогов голосок прорезался! Ты куда свой костюмчик чудной дела?

– Я понимаю, что ты очень хотел примерить, но вряд ли на тебя налезет, – уже не оборачиваясь, бросила я.

На этот раз Крекен замолк надолго – хотя, как замолк... Принялся увлеченно о чем-то шептаться с амбалом Бардлафом.

Амаранта дэ Ноче в этом разговоре не участвовала, но улыбалась так издевательски и высокомерно, что не было никаких сомнений – рыжий хотел задеть Милавицу с ее полного одобрения. Скорее всего, она ему и велела.

Мила придвинула мне клочок пергамента, на котором было написано: «Спасибо!». Я пожала плечами и улыбнулась.

А между тем «грязная» пара уже минут десять, как началась. Вещала дама в фиолетовом рабочем комбинезоне с золотистыми узорами – профессор Донатимо. Вначале она буднично и без лишних церемоний представила меня, как новую студентку, а затем перешла к более важной, чем я, теме – грязи.

– Итак, друзья мои, сегодня мы приступаем к обширной и очень важной теме нашей дисциплины, а именно к разделу «Пищевая грязь», в который входят все виды кухонных загрязнений. Сюда мы отнесем грязные тарелки, ложки, вилки, стаканы, бокалы, бутылки, кувшины, сковородки, котлы, плиты, грили, мангалы и прочая, и прочая, и прочая. То есть, если одним словом, то как мы это назовем, Мавсим?

Мавсим, который сидел как раз неподалеку от нас, озадаченно уставился в потолок.

– Ну так, ить...

Позади снова раздались смешки полицейской команды. Ну надо же, какие развеселые ребята!

Тем временем Милавица быстро накарябала на пергаменте ответ и незаметно для профессора показала пухлощекому парню.

– Посудой! – радостно гаркнул Мавсим, аж стекла в окнах задрожали. – Ить посудой энто все обзовем!

– Верно, – подняла вверх палец Донатимо, которая не заметила подсказки. – А так, как сорок процентов выпускников нашей академии становятся кулинарными магами, то я очень советую вам со всем вниманием отнестись к данной теме, которая, вне всяких сомнений, пригодится вам в будущем. Итак, что вы видите перед собой?

По мановению руки профессора на кафедре возникла огромная квадратная сковородка. Посудину покрывал сантиметровый слой нагара и копоти. Приглядевшись внимательнее, я ахнула: из черно-зеленых недр сковородки тянулись маленькие черные щупальца.

Надо бы перестать удивляться так громко. Хотя на меня никто внимания особо не обратил – одnogруппники гадали, что же там такое живучее в сковородке. Но ответить правильно никто не мог.

– Это нагаркл, – раздался вдруг голос Амаранты дэ Но-

че. – Простейшая темная сущность низшего порядка. Я могу прямо сейчас применить к нему боевое заклятие. От него мокрого места не останется.

– Совершенно верно, в сковородке, которую три года никто не чистил после приготовления в ней пищи, поселился дух грязи низшего порядка нагаркл, – подтвердила преподавательница. – Однако, если вы примените боевую магию, мокрое место останется не только от нагаркла, но и от сковородки. А наша задача – сохранить посуду.

– Боевые маги не занимаются сковородками, – с презрением сказала черноволосая. – Если мне нужна будет сковородка, я просто пойду и куплю новую.

– Я понимаю, леди дэ Ноче, что хозяйственная магия – не ваша специализация, – извиняющимся тоном сказала Донатимо. – Но, во время вашего пребывания в нашей академии вы должны посещать наши занятия. На то есть специальный указ вашего ректора Киллиана Аштона.

– Если бы не этот указ, меня тут не было, – фыркнула Амаранта.

Донатимо не стала отвечать выскочке, а вместо этого принялась показывать, как очистить сковородку. Из ее ладони вырвался маленький изумрудно-зеленый смерч, благоухающий мятой. С громким хлопком он поглотил грязную сковородку. Через пару секунд он распался на обрывки тумана, похожие на листочки, которые быстро растаяли, оставляя после себя запах свежести.

А сковородка засияла первозданной чистотой! Заблестела так, что было больно глазам. В аудитории раздались восторженные аплодисменты, к которым не присоединилась только «святая» троица на заднем ряду.

Я была восхищена не меньше остальных. С детства ненавижу мыть посуду, а тут взмахнула ручкой – и она в считанные секунды идеально чистая. Мечта! Поэтому я вместе со всеми принялась записывать формулу и особенности применения этого посудомоечного заклęcia на пергамент под диктовку Донатимо.

В какой-то момент я уловила боковым зрением движение и повернула голову. Как только не заорала – диву даюсь.

Милавица увлеченно конспектировала наставления профессора Донатимо, а по спине ее в это время полз огромный черный паук с красными глазами! Он так отвратно перебирал своими мохнатыми лапками, что меня аж кинуло в дрожь. Хотелось, не переставая визжать от отвращения, вскочить и улепетнуть от него как можно дальше! На другой конец Вселенной, не иначе.

Если бы я обнаружила ТАКОЕ на себе, то одним обмороком дело не кончилось. Тут нужна была б сложная и длительная реабилитация у психотерапевта.

Не зная, как сообщить новой подруге об этом кошмаре, я обернулась... И увидела чрезвычайно довольные рожи Крекена, Бадлафа и Амаранты. Последняя прямо-таки наслаждалась.

О нет! Не успела я и глазом моргнуть, как шустрое членистоногое добралось до головы Милы, просеменило по затылку и... уселось в самом центре подсолнуха, что покачивался у девушки надо лбом.

Ее нужно было срочно спасать!

Вся корежась от омерзения, я протянула к Миле руку, но тут услышала негромкий, но холодный голос Амаранты:

– Только попробуй тронуть моего фамильяра и тебе несдобровать, хозячка.

Ёшки-матрешки, это страшилище – ее фамильяр?! У меня теплилась слабая надежда, что паук – иллюзия, ведь маги такое могут. Нет, такой помощник, конечно, на все сто процентов подходит этой стерве, но...

– Шла б ты со своим фамильяром! – отчеканила я.

А паучище тем временем спустил мохнатые лапы ничего не подозревающей Милавице над челкой и раскрыл свои чрезвычайно гадкие жвала, видимо, намереваясь укусить.

Дальнейшее произошло в сотую долю секунды. Я вскинула руку и... Не знаю, как это произошло, но я почувствовала внутри какой-то яркий всплеск, а членистоногое, словно под мощным порывом ветра, теннисным мячиком отлетело назад. Назад – прямо на лицо радостно скалящегося Крекена. Я правда, целилась в саму Амаранту – пусть нафиг целуется со своим монстром! Но и так тоже получилось неплохо.

Рыжий в ужасе завопил, а паук, даром, что фамильяр капитана его команды, взял, да и укусил парня за длинный нос.

Крекен отбросил тварь от себя, вцепился в лицо руками и принялся носиться по аудитории, оглашая ее визгом похлеще порося Ерошки.

Милавица испуганно ощупывала свою голову, но самое страшное для нее уже миновало.

– Что произошло? – рявкнула профессор Донатимо, подбегая к нашим скамьям.

– Это все она! – хнычущим голосом сказала Амаранта и ткнула пальцем в меня. – Она ни с того ни с сего напала на моего фамильяра! Швырнула Пушка прямо на Крекена! Ты мой маленький, мой хорошенький! Больно тебе, Пушочек, больно, да? Профессор, кажется, она сломала ему правую лапку! Мне срочно нужно отнести Пушка в лазарет! Есть у вас тут приличные целители?

Не знаю, что меня шокировало больше – наглая ложь Амаранты, имя ее страшилища, или то, как нежно и бережно она баюкала в ладонях эту отвратительную тварь.

О скачущем по аудитории Крекене все вроде как и забыли. Наверное, поэтому он подбежал к Донатимо и, отняв руки от лица, глухо проорал:

– Вы только посмотрите, что Астахова со мной сделала, профессор! Мне тоже срочно нужно в лазарет!

Вообще-то, между прочим, ЭТО сделала с ним не я, а паук Амаранты. Яд Пушка удлинил и раздул его нос до впечатляющих размеров – Буратино отдыхает. Хотя, тут уже был не Буратино, шнобель рыжего формой напоминал то ли стран-

ный гриб, то ли вообще что-то неприличное. В довершение этого данный орган у Крекена приобрел жизнерадостный зеленый в красную крапинку цвет.

Лично мне ничуть его не было жаль. А Пушка с якобы перебитой лапкой, которого дэ Ноче осыпала ласками и поцелуями, и подавно, бр-р-р. Команда ВИМП явно рассчитывала, что Пушок укусит Милу, а к такому повороту готова не была.

Рассыпаясь в извинениях, Донатимо сообщила, что главный целитель академии Гаврил Бирн уехал на повышение квалификации в столицу, но можно обратиться к его аспирантам и быстренько отправила всю полицейскую троицу-плюс-паук на больничку. А потом с очень гневным видом повернулась ко мне.

Добрая Милавица неуверенным голосом попыталась прояснить ситуацию, но Донатимо и слушать ее не захотела:

– Как вы посмели? Первый день здесь и такое себе позволяете! Ученики нашей академии должны демонстрировать гостям радушие и дружелюбность – Академия Хозяйственной Магии всегда этим славилась. А вы ставите нашу репутацию под удар. Сейчас, когда в связи с чемпионатом взгляды всей общественности и самого Его Величества прикованы к нам! Феврония Астахова, к ректору немедленно!

Ой-ой-ой... Вот с ректором мне как-то встречаться не совсем улыбалось, после того, как я его видела... как он меня видел...

Я попыталась было упереться, но Донатимо вызвала куратора Митрофанушку, который схватил меня под локоток и чуть ли не волоком потащил к Власу. Вид он имел до крайности недовольный и что-то бормотал о том, что второй напасти он не выдержит, в конце концов, у него жена на сносях и пора ему в заслуженный отпуск. Хотелось расспросить куратора поподробнее, почему это я – «вторая напасть», но мы уже пришли.

ГЛАВА 8

Митрофан Игнатич впихнул меня в приемную, шикнул, что, ежели не зайду в кабинет, он выдаст замуж меня за Ерошку, да и был таков. Куратор явно побыстрее хотел от меня отделаться.

В приемной было пусто. Я подошла к двери, украшенной узорами и искусной резьбой, и хотела ее толкнуть, но заметила, что она приоткрыта.

– Я считаю этот инцидент попыткой дискредитировать мою команду, как более сильного соперника, и буду разбираться с этим вопиющим фактом на самом высшем уровне! – раздалось из-за двери.

Голос был противный, трескучий и высокомерный.

– Полагаю, что фамильяр капитана команды Высшего Института Магической Полиции, лорд Аркел, непосредственно участником команды не является и в чемпионате не участвует.

Это сказал Влас, и от его спокойного уверенного тона меня почему-то бросило в дрожь. Странно, обычно руководство не производило на меня такого эффекта. Даже сам президент, который посещал наш лицей.

Евагрий Аркел замолчал, но потом все-таки нашелся с ответом:

– Лапуш является... является нашим талисманом, а, зна-

чит, попытка дискредитации все же имела место быть!

– Талисман – паук? – судя по голосу, Влас усмехнулся. – Интересный выбор. Очевидно, он поможет завоевать симпатии болельщиков. Впрочем, дело ваше. Подскажите, лорд, а давно ли он получил официальный статус талисмана вашей команды?

– С самого начала.

– Серьезно? Почему тогда это не было отражено в бумагах, которые вы подавали в Городошную Лигу перед чемпионатом?

На это противный Аркел уже не нашелся, что сказать, и выпалил в открытую:

– Завидуйте молча, магистр Велес – все равно жалкой команде Академии Хозяйственной Магии нас не обойти. Да что там нас! Вы уступите даже Колледжу строительной магии, не говоря уже о Королевской Академии Чародейных Искусств, и с треском вылетите в первом же туре!

– Я бы не стал делать столь поспешных выводов, лорд Аркел, – ровно ответил Влас.

– Да хоть видели, как играет ваша команда, Велес? – картинно расхохотался Аркел.

– Если у вас ко мне все, лорд, то боле я вас не задерживаю, – холодно отчеканил ректор.

– Не совсем все, уважаемый магистр, – никак не хотел покидать кабинет Власа противный полицейский маг. – Эта иномирная девчонка... Вы же сообщили о ней, куда следует?

Влас отреагировал сразу, не успел Аркел договорить.

– Не лезьте не в свое дело, лорд, – процедил он. – И даже не думайте приближаться к этой девушке.

– А не то что?

– Не то останетесь без хвоста. А, может быть, даже и без головы, – в голосе Власа послышалась явная угроза. – Полагаю, НА ЭТОТ РАЗ вы закончили, и я могу вернуться к работе.

– О, разумеется, – елеинным голоском пропел лорд Аркел.

Едва я успела отскочить, как дверь широко раскрылась, и он показался на пороге – очень высокий, худой и немного сутулый. Его белые лоснящиеся волосы были собраны в тугой хвост.

Лорд Аркел прошел мимо, нарочно сильно задев меня плечом и одарив злобным рентгеновским взглядом. А я вспомнила слова Ядвиги, что с лордом Евагрием Аркелом лучше не связываться.

Хм, ну я, собственно, и не собиралась. Главное, чтоб не собрался он. Хотя именно от него мне удалось узнать кое-что интересненькое – Влас должен был сообщить обо мне «куда следует». Интересно, это куда?

Выждав пару минут, чтоб Влас не понял, что я подслушивала, я впорхнула в его кабинет.

Ректор восседал в массивном кресле, занятый кипой пергаментов, что лежала на столе перед ним. При моем появлении он даже головы не поднял, а я прошлась по кабинету, с

интересом рассматривая сдержанно роскошный интерьер.

Особенно меня заинтересовало небольшое зеркало, что стояло на одной из полок красивого резного шкафа. Его оправка словно была тонко и филигранно вырезана из льда с огромным вниманием к тончайшим деталям. Но самое оригинальное было в форме зеркала – оно было вогнутое, вроде чаши. Мое отражение в нем почудилось мне каким-то странным, inferнальным...

– Ух ты! – мелодичным голоском пропела вещница. – Повезло же вам, хозяин! Она и впрямь ну вылитая, но при этом не является вашей...

– Замолчи, – властно приказал ректор и зеркало ту же секунду послушалось.

Мы с Власом встретились взглядами, но уточняющий вопрос про странные слова зеркальца так и не сорвался с моих губ. В первую секунду мне почудилось что-то в его темно-карих, почти черных, глазах...

Что-то, чего не должно было там быть... Но, разумеется, это был всего лишь обман зрения. Показалось.

Ректор смотрел на меня, как и подобает ректору – строго и отстраненно.

– Феврония Астахова.

– Да? – с видом абсолютной невинности переспросила я, усаживаясь на стульчик перед ним.

В кабинете директрисы Президентского Лицея такое обычно прокатывало. Но сейчас, наверное, вряд ли.

– К чему была эта выходка на паре профессора Донатимо? Я понимаю, что ты только что попала в наш мир, и тебе все здесь в диковинку. Но, мне казалось, по поводу фамильяров тебе объяснили и достаточно доходчиво. Нельзя трогать чужого зверя.

– Упаси меня господь его трогать, Пушка этого! – скривилась я при воспоминании о членистоногом.

– Ты воздействовала на него магией, – ректор возвысил голос. – Это то же самое и даже сильнее. Причем, фамильяра не чьего-нибудь, а студентки чужой академии, которая находится у нас в гостях.

Я открыла было рот, чтобы рассказать о прекрасном поведении не только Амаранты, но и ее дружков по команде, но почти тут же его и закрыла.

Точно! А ведь это просто гениально – и как я сразу не додумалась?

Нужно сделать так, чтобы Влас сам меня исключил и тогда я смогу вернуться обратно в свой мир!

– Дело в том, что я просто на дух не переношу пауков, – доверительно сообщила я. – Вот просто не перевариваю. От одного вида этих мерзких существ, перебирающих своими гадкими мохнатыми лапками, мне становится дурно. А так, как Амаранта со своей тварью будет гостить здесь достаточно долгое время, пока идет чемпионат, то... В общем, я за себя не ручаюсь. Так что давайте предотвратим опасность повторения подобного, задушим ее, так сказать, в зародыше

и... Короче говоря, вам было бы разумнее сразу меня исключить из академии.

Последнее предложение я выпалила, как на духу, и чистыми честными глазами уставилась на ректора.

Но он почему-то не оценил моего монолога. Словно не мог выдержать моего взгляда, Влас поднялся и подошел к окну, повернувшись ко мне спиной. Очень вежливо!

– Ни о каком исключении не может быть и речи. Это сопряжено с рисками, как я уже говорил, – подчеркнуто спокойно сказал ректор. – На первый раз обойдемся устным предупреждением. Но если подобное повторится, будь готова понести наказание. Осваивайся, привыкай – на время обучения твой дом здесь. Хочешь того или нет, тебе придется смириться. На этом все.

Смириться! Ага, а то как же. Держи карман шире! Да он просто не знает, с кем связался – от меня весь Президентский Лицей ходуном ходил.

Чего стоит только визит в наш славный лицей министра образования! Время было зимнее, темнело рано... В общем, появился к нам этот почтенный дядечка со своей свитой, а руководство, конечно, встречает «особу, приближенную к императору». Глядь – а в лицее кое-какие окошки горят и из этих окошек слово неприличное складывается. И очень так хорошо читается. Крупно так.

Я лично координировала тех студентов, которые зажигали в нужных окнах свет. Мне потом рассказали, что министр

краснел и мямлил, как школьник. Смутился до слез, бедолага. Зато директриса лица хорошо держалась, да... Вычислила и меня, и тех, кто свет в нужных аудиториях зажигал.

В следующий его визит в этих комнатах дежурили преподаватели, чтоб, так сказать, конфуз не повторился и никто не думал щелкать выключателями.

Но мы с друзьями легко нашли выход из ситуации.

И вот подъезжает правительственный кортеж, и вылезает оттуда министр – с облегчением смотрит на окна, а в следующую секунду начинает заикаться и бледнеть, потому что свет во всех остальных аудиториях зажигается и на фасаде нашего славного лица ЧЕРНЕЕТ все то же неприличное слово.

Занавес.

Меня тогда, как главного организатора и вдохновителя этой «световой» операции, долго таскали по кабинетам руководства. Но выгнать – не выгнали.

Это я не в полную силу старалась. Я еще не такое могу!

Весь день я раздумывала над тем как постараться достаточно, чтобы вывести из себя неприступного ректора. И парочка интересных мыслей, вроде как, в голове образовалось.

Правда, они выветрились, когда я переступила порог своей новой комнаты. Вообще все слова выветрились. Остались только восклицания.

Как и собирался, Гэри провел некий косметический ремонт данного помещения, и теперь они с Коди гордо порхали по преобразившейся комнате. Хотя, как преобразившейся...

На мой скромный взгляд, она стала еще страшнее, чем была. Казалось бы, бабочки только раскрасили стены в разные цвета, но они стали настолько яркими, что на них было больно смотреть. Из темно-красного пол стал насыщенно лиловым. Стены тоже теперь радовали – одна лимонно-желтая, другая салатная в белый горошек, третья – коричневая в каких-то загогулинах, четвертая – черно-белая, окраса зебры. Потолок фамильяры и вовсе расписали в веселеньких цветах синего неба, по которому плывут белые облачка. Не забыли бабочки и про радугу.

Гэри радостно принялся объяснять мне значение какой-то кляксы на стене, но запутался, и в итоге свел все к «неповторимому декору», а Коди не менее радостно вторил своему дофига «дизайнерскому» братцу.

Слушая бабочек, я обратила внимание на мокрые следы на полу, но значения этому не придала. А зря.

Чтобы не обижать фамильяров – все-таки ребята старались, я их похвалила, после чего могла с чистой совестью отправляться ко сну. В своем мире я ни за что бы не легла так рано, но здесь... То ли новые впечатления, то ли свежий воздух так подействовал, что ли...

Когда я уже лежала в постели, ко мне заглянула Милавица в зеленой косыночке и пышной оранжевой рубаше – хотела пожелать спокойной ночи.

– Зачем ты носишь чесночные сережки? – меня давно это интересовало.

– От вурдалака, – серьезно ответила подруга. – Девчонки рассказывали, по тут неподалеку бродит упырь в малиновом кафтане. А еще у него ослиные уши и хвост от крокодила сзади болтается.

Понятно.

– А репа?

В ответ не менее серьезно Мила сообщила, что репа отпускает гулей и прочла получасовую лекцию про этих милых существ – коренных обитателей кладбищ. Тут как раз неподалеку был деревенский погост. Якобы, помимо мертвечины эти создания почему-то обожают сырую репу, и ежели на тебя нападет гуль, но увидит этот корнеплод, то обгрызет только его, а тебя трогаться не станет.

Добрая Милавица пообещала мне сделать точно такие же сережки и подарить большую репу.

– М-да уж, ну и выбрала ты себе подружку... – протянул Коди, когда она ушла.

– А что не так? – прищурилась я, намереваясь биться за Милу до последнего.

– Ничего особенного, за исключением того, что она похожа на бешеную морковку, – хмыкнул Коди. – Запомни, дорогуша, в академии нужно дружить с самыми успешными и популярными студентами. А не то быстренько окажешься в числе лузеров. Вон эта, как ее, Амаранта Гарсиас – прекрасная кандидатка в закадычные подруги.

– Во-первых, я буду дружить, с кем хочу! А во-вторых, ес-

ли вы не забыли, что я рассказывала про сегодняшнюю пару, у нее в фамильярах – паук. Желаете с ним пообщаться?

– Не, – подумав, сообщили бабочки в один голос. – Что-то как-то не тянет.

Затем они улеглись в специально приготовленные крошечные постельки в виде колыбелек, сложили крылышки и захрапели, как две маленькие, но необыкновенно голосистые пожарные лошади.

Несмотря на их храп и жутковатые рассказы Милы, уснула я быстро.

Только во сне, помимо храпа бабочек, мне почему-то постоянно слышался еще один навязчивый звук – словно дождь барабанил по стеклам. Наверное, так оно и было – ночью пошел дождь, вот только почему он был таким громким?

ГЛАВА 9

Проснулась я оттого, что Коди (а может быть, Гэри) хриплым басом проорал мне прямо в ухо:

– Подъем, куколка, горим!

Пожар? О господи, у меня с детства панический ужас перед пожарами! Я в панике вскочила, и тут же угодила босыми ногами в огромную и отвратно-холодную лужу, которая накапала с потолка.

– Ой, то есть тонем! – поправился фамилльяр. – Заливают нас! Сейчас всю нашу с Коди дизайнерскую роспись со стеночек посмывает. Давай мухой дуй наверх – у кого-то там крыша протекла...

Со всех ног взлетев на четвертый этаж общежитийного терема, я забарабанила в дверь комнаты, которая, как я безошибочно определила, располагалась прямо надо моей.

И вот уж кого я никак не ожидала увидеть на пороге, так это саму Амаранту Гарсиас дэ Ноче в красивом кружевном пеньюаре. В одной руке она, отставив мизинчик, держала изящную фарфоровую чашечку с крепким кофе, пьянящий аромат которого достиг моего заспанного всклокоченного организма.

За ее спиной виднелась светлая, чистая, комфортная и необыкновенно уютная комната с новой мебелью и прочим убранством, которым моя убогая обитель похвастать не мог-

ла.

– Чего тебе надо? – весьма нелюбезно осведомилась капитанша команды по городкам и сделала глоток.

– Ты меня заливаешь! – выдала я, хотя прекрасно видела, что в ее покоех нет никаких признаков потопа.

Но, может быть, это она так нарочно подстроила, замела следы?

– Последние остатки разума, что ли, с утра пораньше потеряла, хозяйка? – свысока бросила Амаранта, картинным жестом отбрасывая на спину свои роскошные черные волосы. – Разуй глаза – нет у меня никакого потопа.

– Зато у меня есть!

– Твои проблемы, – пожала плечами Амаранта и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Ох, так и придушила бы стерву! Тот факт, что мне срочно нужно кого-то придушить, требовал реализации, поэтому я отправилась к комендантше общежития. То есть к кикиморе.

– Эй, ты зачем в дверь в рань такую несусветную барабанишь, золотая-брильянтовая? Всех детишек мне побудишь, сама тогда их и укладывать будешь, особенно Залику! – проворчала нечисть, вытекая в коридор.

– А зачем у меня в комнате в такую рань несусветную льется с потолка? – гневно спросила я.

– С потолка льется? Ах, это... – кикимора сделала безуспешную попытку вернуться к себе, но фиг у нее получи-

лось. – Да это ничего особенного, польется и перестанет... Ты ж магичка хозяйственная, живо все уберешь. Было б из-за чего порядочных людей буди...

– Почему. У меня. В комнате. Льется. С потолка? – высила голос я.

Кикимора зашикала, но информацией делиться никак не хотела. А она у нее была, это уж как пить дать.

Я набрала в легкие воздуха, давая понять, что в третий раз не буду сдерживаться – только это на нечисть и подействовало.

– Ну, что ты так возмущаешься, золотая, ничего ж особенного, – зачастила она. – Родственница к нам приехала погостить, вот мы ее к тебе и подселили. Временно. У нас же, сама понимаешь, детки малые, нам у себя ее держать никак не можно. Но опять-таки, то родная кровь Валерочки, моего мужа любимого, сестра единоутробная. Не прогонишь ведь! Она недолго пробудет... Наверное.

– Что за родственница? – мой голос был обманчиво тих и ласков.

– Ну так... э... – замялась кикимора. – Мокруха. Но ты не переживай, она большого неудобства тебе не сотворит! Очень хорошая, душевная и добрая нечисть, головой за нее ручаюсь. Ей у тебя понравилось, заживете душа в душу...

– Выселить ее. Немедленно!

– Если у тебя получится, золотая-брильянтовая, я тебе еще и сама приплачу, – понизив голос, сообщила кикимора

и, изловчившись, все-таки утекла обратно к себе.

На факт подселения в мои покои некой Мокрухи бабочки отреагировали достаточно бурно.

– Не отвязнешься от нее теперь... – страдальчески возвестил Гэри, а Коди издал печальное, но подтверждающее похрюкивание.

Затем под их чутким руководством я кое-как при помощи неких волшебных пассов убрала воду с пола и даже чуток просушила потолок. Выжала подол своего красного сарафанчика и бодрым шагом отправилась в столовую. Явно не желая оставаться наедине Мокрухой, Коди и Гэри отправились со мной.

Бабочки преспокойненько уселись мне на волосы, напоминая две диковинные заколки. Поначалу они переговаривались в своей манере, но послушно замолчали, когда я сказала: «Цыц!». Вот теперь они точно напоминали заколки.

В связи со всеми этими «мокрыми» событиями к завтраку я опоздала. Из еды осталась некая каша, по виду поразительно напоминающая манку. Но, как выяснилось, она была вовсе не из манки, а из березовой коры. «А еще там «сережки» и даже немного трухи», – радостно сообщила Милавица, которая уплетала вторую тарелку.

Я поковырялась деревянной ложкой, роспись которой была здорово похожа на «хохлому», поглядела, как белесоватая субстанция с нее стекает, но пробовать не рискнула.

Придется поголодать до обеда.

К сожалению, такая позиция в корне не устроила Коди и Гэри, которые при своих малых размерах имели очень даже здоровый аппетит. Бабочки даже не побрезговали легким шантажом, требуя от меня раздобыть если не меренговый рулет, то, на худой конец, торт «Наполеон» или там пирожное «Павлова».

Я сообщила своим недовольным фамильярам, что легкая диета еще никому не повредила и мы с Милой собрались идти на первую пару, которая должна была вот-вот начаться. Но тут наше внимание привлек некий шум за самым дальним деревянным столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.